

ДМИТРИЙ СТРЕШНЕВ

Мыши
профессора
Цаплина

Дмитрий Стрешнев

Мыши профессора Цаплина

<https://litres.ru/74292899>

SelfPub; 2026

Аннотация

Профессор-генетик Арнольд Цаплин переживает страшную жизненную катастрофу: институт, в котором он работал всю жизнь, закрывают, а здание приватизируют. Чтобы отомстить обидчикам, профессор задумывает ужасную месть и выводит породу мышей, обладающих человеческим интеллектом. Управляя этими существами, он создает могущественную всепроникающую империю. Профессору противостоят не очень исполнительный следователь Алексей Комов со своей подружкой и ее сын - малолетний сорвиголова, гоняющий на скейте. Все вместе они закручивают историю с такими неожиданными поворотами, что, погрузившись в нее, вы рискуете проехать свою остановку. Книга для тех, кто любит динамичный сюжет и добротный юмор.

Кстати, видели ли вы когда-нибудь алфавит мышинового языка?

Дмитрий Стрешнев

Мыши профессора

Цаплина

САМЫЙ ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ НАКАНУНЕ ХХІ ВЕКА ЗА ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ ДО НАЧАЛА РОКОВЫХ СОБЫТИЙ

Перед казенным зданием грубой советской постройки блестела лакированными телами стоя дорогих автомашин, среди которых одна – четырехглазый «Мерс» с номером 777 ОК (такой наборчик в автоинспекции стоит не меньше половины штуки баксов). Даже без комментариев прессы было ясно, что внутри здания происходит что-то серьезное.

А там, внутри, по коридору текла черная икра плащей и пальто: сентябрь в этом году был прохладный. Впереди всех шел молодой человек с лицом, одухотворенным революционным безумием, который громко говорил - и вместе с эхом между стенами металось:

–Новая оригинальная концепция интерьера, в пространство которого вольется панорама окружающего мира... Органичное сочетание металла и стекла закольцует пространство эстетикой хай-тека... Легкий слог архитектурного языка... Хрустальные конусы фонтанов...

Это был, ясное дело, то ли дизайнер, то ли архитектор – на лбу у него не написано. Говорил он, не останавливаясь, кра-

сиво, словно сыпал стихами на иностранном языке. От пахнущих загадочным иноземным туманом слов безликие стены эпохи развитого социализма на глазах покрывались туберкулезной плесенью, а наполненные бледным светом плафоны смотрелись тоскливее, чем обычно.

Когда дизайнер-архитектор на мгновение задерживался, все прочие тоже послушно останавливались, а потом так же поспешно срывались вслед за ним дальше по длинному коридору. Эхо летело далеко впереди породившего его жизнерадостного голоса и резонировало в гулких покинутых помещениях. Но в одном из этих помещений, загроможденных пустыми клетками и неуклюжими научными приборами, можно было совершенно неожиданно обнаружить двух живых существ: человека и обезьяну. Обезьяна вела себя, как и полагается обезьяне: вертела головой, строила гримасы и совала в рот всё, до чего могла дотянуться. Короче, обезьянничала. Человек – обладатель безобидного лица технического интеллигента, немного подправленного воинственным седым ежиком, – меланхолично листал бумаги, испорченные дрянным почерком и каракулями формул, а некоторые листки разглядывал, держа далеко от глаз на вытянутой руке, что свидетельствовало о проблемах со зрением. Время от времени он тянул за поводок, одергивая чересчур распоясавшуюся обезьяну.

На первый взгляд картина напоминала идиллические кадры из старого кинофильма о счастливой, наполненной твор-

чеством судьбе научных работников. Но вялый размагниченный взгляд и нарочито изломанная поза, в которой находился сидящий на стуле, ясно говорили: что-то здесь не так. Нет, решительно нет! Приятеля обезьяны я никак бы не назвал счастливым.

Неизвестно, сколько уже сидел так означенный человек, бесцельно перебирая бумаги, и неизвестно, сколько он бы еще просидел, маясь этим занятием, если бы не открылась дверь и не вошел еще один такой же невзрачный представитель научного племени. Судя по тому, что его плечи покрывала всего лишь клетчатая рубашка, на улицу он не выходил, а бродил где-то внутри здания по коридорам. Ясное дело, шпионил. Сразу с порога он сказал, кривя в интеллигентской усмешечке тонкие губы и показывая сощуренными зеленоватыми глазами непонятно куда:

—Всё. Хана генетике. Там уже ходят эти, с мобильниками... Правильные слухи были, что дирекция всё приватизировала и продала под офисы и ресторан...-его глаза задержались на обезьяне, и он тут же пошутил:- Не хочешь узнать, есть у них макаки-резус в меню? Торганем!..

—Науке не может настать хана,-отозвался меланхолический человек и сильно дернул за ремешок обезьяну, пытавшуюся схватить лежащие на краю стола очки.

—Не знаю, не знаю,-возразил другой с веселой злостью.-Мне тут рассказали про одного директора банка, которого сняли за то, что не выдал кредит нужным людям, как

велели. А он всего-то заикнулся: мол, надо бы решение правления... Пятнадцать миллионов рублей убежали на быстрых ножках! Где уж тут денег на науку взять!..

Расплывчатое эхо голосов вдруг вынырнуло совсем близко.

—Вот они, идут! Уже здесь... Между прочим, вчера меня шпана на улице обозвала ботаником. Такое, значит, у них теперь прозвище для таких, как мы.

—Неважно,-сказал сидящий и отобрал у обезьяны очки, которые она всё-таки схватила (обезьяна сделала гадкое лицо и обиженно запричитала).-Неважно: ботаник, Архимед, Имхотеп... Всё равно любая цивилизация живет под знаком «пи», и никто никогда не сможет отменить соотношение, по которому размах рук нашего тела на три процента превышает его рост...

—Да хватит, перестань!-перебил его вошедший.-Такие психи, как мы, уже не в моде... Кстати, чего я, собственно, здесь торчу? Ничего хорошего ждать явно не приходится.

Он надел вполне еще приличный плащ, хотя и здорово не ладящий с неформальным профилем времени, и сказал с допустимой завистью:

—У тебя хоть машина есть. Будешь частным извозом заниматься. Агаланов языки знает, а Кловер вообще еврей. Все вы как-нибудь устройтесь. А мне куда?.. Ну, пока, встретимся на свалке истории!

—Скорее, просто на свалке...-пробормотал сидящий, не

подозревая, насколько он был близок в этот момент к истине.

Уже взявшись за дверную ручку, уходящий сказал напоследок быстрым шепотом:

–Подлецы всегда в выигрыше!

В вырезе двери, которую он затем открыл, неожиданно оказалась толпа, покорно внимающая возвышенно-страстному голосу:

– Лестницы должны стать светоносным элементом интерьера! При этом вектор будет направлен от демонстративного техницизма к образной грациозности форм!.. Наиболее радикально в этом смысле прозвучит холл первого этажа...

Взгляд пророка контуров нового мира случайно залетел в комнату и обреченно заметался в ловушке из незатейливых прямых углов. Спасаясь от этого зрелища, дизайнер-архитектор бросился дальше по коридору, увлекая за собой слушателей. Но увлек не всех. Отделившийся от прочих крепкий мужчина в сером костюме задержался и встал в косяке распахнутой двери. Это был директор института Прыгунов.

–Иван Алексеевич, Арнольд Андреевич, вы что тут сидите?-спросил он с откровенным подозрением в голосе.-Всем же сказали, что сегодня можно не приходить.

–Я на минутку, личные вещи забрать,-пробормотал тот, что собирался уйти (это его звали Иваном Алексеевичем), и поспешно протиснулся мимо серого костюма наружу.

–Ну а вы, господин Цаплин?-спросил Прыгунов, ступив внутрь помещения, но на всякий случай остановившись на

благоразумном расстоянии от обезьяны.-Вы разве не читали приказ?

—Приказ о погублении науки,-криво усмехнулся названный Цаплиным.

—Не паникуйте. Вашу лабораторию временно переведут в другое помещение, только и всего.

—Вы меня обманываете. В газете ясно написали: «Институт идет с молотка». Это погубит отечественную генетику...

—А!-махнул рукой серый и вздохнул даже как будто с сожалением.-Все и без того уже за бугром.

—Не врите. Агаланов здесь, и даже Кlover еще здесь...

В двери появилось новое лицо. Это был один из тех, «с мобильниками», согласно социальной характеристике, данной Иваном Алексеевичем.

—Леньчик, я тебя потерял, ты где?

—Так... Дела были. Иду,-сказал Прыгунов.

Но тот уже увидел обезьяну.

—Какая зверюшка!

И пошутил, подойдя к столу и с развязным любопытством наклонясь над животным:

—Не плюшевая?

Внезапно обезьяна заорала так пронзительно, что любопытствующий вздрогнул и отшатнулся.

—Она что, психованная?

Обезьяна и в самом деле отчего-то очень расстроилась: прыгнула на руки к человеку, который держал ее поводок,

и о котором мы уже знаем, что его зовут Арнольд Андреевичем Цаплиным, и оттуда продолжала орать, озираясь и скаля зубы.

—Что это она?-повторил «мобильник», неприятно задетый таким поведением тупого животного.

—Очевидно, рефлекс профессора Инге-Вечтомова,-сказал ученый.

—Как это?

—Этой барышне привита чувствительность к чужим эмоциям,-объяснил Цаплин, поглаживая обезьяну по спине, отчего та понемногу начала успокаиваться.-Так называемые генетические подвижные элементы... Впрочем, надо бы проще... Животное реагирует на постороннее биополе. Особенно болезненно воспринимает ненависть... дурные намерения...

«Мобильник» натужно засмеялся.

—Фуфло какое-то, товарищ ученый.

—Это наука,-тускло сказал тот, что с обезьяной.

—Значит, фуфло наука ваша.

Приятель обезьяны не отозвался и продолжал молча горбиться на стуле.

—Ладно, Ленчик, пошли,-сказал тот, что обозвал науку фуфлом, вернув своему голосу прежнюю сочную звучность.

Прыгунов поспешно направился следом, скороговоркой пообещав:

—Не волнуйтесь, Арнольд Андреевич, всё будет в порядке.

Цаплин услышал, как уже за дверью здоровый, жизнерадостный голос того, что с мобильником, сказал:

–Чего ты расшаркался перед этими мышами? Давай бегом отсюда, двинем скорей в «Золотой дракон», а то меня от этой тоски уже тошнит!..

–Расшаркался...-почти беззвучно повторил тот, что остался в комнате снова вдвоем с обезьяной,-перед... мышами...

Самое удивительное, что в этот момент он действительно увидел мышь. Не благородную лабораторную белую мышку, а настоящую дикую, серую. Она кралась вдоль плинтуса, делая временами короткие перебежки.

1.

Восемь месяцев спустя двое совершенно не связанных с описанными выше событиями братков: Александр Ялов по кличке Мотня и Матвей Чекунов по кличке Чекан – и не просто братков, а крутых (и попробуй кто-нибудь им в этом возразить!) – ехали на иномарке неразличимой принадлежности, но, разумеется, типа «джип» и черного устрашающего цвета. Мотня и Чекан были бойцами бригады Коляна. Не того Коляна Груздя, которого менты замели в погонах полковника на тачке с депутатскими номерами, а Коляна Самары, который засушил уши Косого и носил с собой вроде амулетов.

Они возвращались с «разъяснительной работы»: ездили выбивать должок с зажавшегося подпольного водочного

фабриканта и теперь обретались в хорошем настроении, гордые собой. Недолгого мужского разговора вполне хватило, чтобы щемила признал, кто в районе хозяин, и согласился выложить бабки. В знак, что зла на него не держат, Мотня и Чекан прихватили с собой в качестве сувениров две бутылки «Праздничной» и одну «Голубого топаза».

По дороге Мотня рассказывал свои любимые истории:

—...Аккумулятор сдох, падла. Гляжу: лоховская тачка стоит. Натурально, подъехал, фомкой поддел, аккумулятор приватизировал. Тут какой-то куль выскакивает...

Про куля Мотне дорассказать не удалось. В этот момент они как раз подъехали к пересечению, где висел унижительный для водителя треугольный знак, требующий уступить дорогу. Впрочем, знаки Мотня в упор не видел: очевидно, таким образом было устроено его зрение. Поэтому он очень оскорбился, когда поперек траектории их с Чеканом авто пролетел допотопный «Москвич» бирюзового цвета. Даже не то чтобы пролетел, а нагло проехал. Мотне пришлось прижать тормоз, отчего у него в желудке забурлил злобный кипяток, а с языка привычно слетели несколько слов, которые приводить здесь совсем не обязательно. Когда свернули за «Москвичом», он прибавил газку.

—Ты чё?-спросил Чекан.

—Козла проучу.

—А...-равнодушно отозвался Чекан.

Их машина легко нагнала бирюзового урода.

—Цвет у него...-заметил Чекан и обрисовал, какой именно цвет.

Обойдя «Москвича» на корпус, Мотня бросил машину вправо, круто подрезая, и нажал на тормоз. Бирюзовый завизжал своими колодками и накладками, но Мотня — то ли от злобы, то ли не повезло — плохо рассчитал. Глухой удар сообщил, что просто поугаить козла не получилось.

Разразившись поминанием самых разных матерей, Мотня впедалил тормоз уже со всей силой. Движение прекратилось.

Не отличавшийся большим умом Чекан заметил:

—Похоже, он нас хрюнднул,-чем еще больше разозлил Мотню.

—Щас я козла урою!-пообещал он Чекану и самому себе и вылез наружу, разминая плечевые мускулы. Чекан тоже вылез — развлечься.

Внутри «Москвича» сидел слизняк-интеллигент в очках, явно обалдевший от того, что произошло за последние сорок секунд. При виде растерянно моргающих гляделок, седого ежика и длинных пальцев, бесполезно лапающих руль, к злобе в душе у Мотни добавилась пронзительная жалость к самому себе: надо же случиться, чтобы такая тля испортила настроение в удачный день! С этим бутербродом чувств он распахнул дверь «Москвича» и легко вытащил козла наружу.

Попутно он не забыл посмотреть, какой урон придурок в очках нанес их тачке, и вполне удовлетворился увиденным. Было ясно, что обошлось царапинами на бампере. На дороге

всегда выигрывает тот, у кого бампер выше. А вот «Москвич» себе морду помял, и фаре полный кирдык.

Вытащенный очкарик заозирался, непонятно чего ища, но с другой стороны стоял Чекан. Редкие автомашины проезжали мимо, не останавливаясь.

—Ты куда смотрел, козел?—сказал Мотня, соображая, что делать с недоноском. Было ясно, что бить такого - только себя унижать.

Очкарик запетюкал что-то о правилах дорожного движения, но Мотня не собирался слушать эту собачью чушь.

—Еще очки нацепил!—сказал он.

Хозяин «Москвича» затрепыхался, но Чекан сзади придержал его за руки.

Мотня снял с интеллигентского носа очки, посмотрел их на свет и скривился.

—Плохие очки. Сделай себе другие, чтобы лучше видеть.

Сложил дужки, положил очки на асфальт и аккуратно раздавил ногой.

—Ты нам тачку испортил. Чем будешь платить?

Чекан покрепче ухватил брыкающегося козла, а Мотня быстро обыскал карманы.

—«Научный работник...»—задумчиво прочитал он, раскрыв удостоверение.—Дача есть? Ну, уж квартира точно есть...

Козел попытался возмутиться, но пальцы веером тут же оказались у его глаз

—Ты что - рамсы попутал? Не понял, с кем базаришь?

Взгляд Мотни проник в салон «Москвича», где лежало какое-то барахло. Некоторое время алчность и подлость сражались в нем с ленью, но в конце концов два чувства оказались сильнее, чем одно.

—Подержи его, Чекан, я в машине пошмонаю.

В салоне оказались тряпки, старый чайник, электрическая плитка и еще — коробка со стеклянной посудой: бутылки с кривым горлом и рюмки без ножек.

«Импортные,-подумал Мотня, но тут же вспомнил среднюю школу.-Не! Это же пробирки-мубирки».

Обтерев на всякий случай пальцы о сиденье «Москвича», он вылез на воздух.

—Ты в багажнике глянь,-посоветовал Чекан. Иногда его вдруг пробивало на дельные мысли.-Может там фонарь или лопатка.

Козел при этих словах заметно занервничал и обозвал их с Чеканом грабителями, что укрепило Мотню в решении. Он открыл крышку багажника, и вдруг Чекан услышал, как его кореш произнес с непонятным настроением:

—Ешкин кот!

—Че там, пацан?

Рот у Мотни разъехался на обе щеки.

Он вынул из багажника и показал Чекану клетку, похожую на птичью, а Чекан, приглядевшись, различил в ней серых зверьков.

—Это че у тебя? Мыши?

Водила «Москвича» сделал вид, что не будет отвечать, но после того, как Чекан его слегка потряхнул, признался:

—Подопытные животные.

—Мыши что ли? Смотри, Чекан, мыши!

—Отвезем их Мурзику, — высказал Чекан еще одну дельную мысль.

—Верно!

Документы недавнего очкарика Мотня засунул к себе в карман.

—Ладно, мужик, с тобой потом поговорим. Айда, Чекан!

Чекан отпустил придурка, который больше не рыпался. Оба снова сели в тачку, и Мотня прижал газ. После разминки с козлом настроение улучшилось, захотелось перекусить. Они с Чеканом были не из «бройлеров», то есть не из тех одержимых пацанов, которые не пьют, не курят, а только качаются до охренения.

В зеркало заднего вида Мотня время от времени поглядывал на клетку со зверьками, поставленную на заднее сиденье.

—Махнем ко мне? Пивка задубасим. И Мурзика порадуем.

—Махнем, — согласился Чекан, заслуженный халявщик.

Подъехали к дому, поднялись на пятый.

—Мурзик, ты где? Иди сюда! Закуска явилась!

Из глубины квартиры явился кот Мурзик с бакенбардами и с хвостом, как у енота, приветствуя вошедших традиционным «мяу». Мотня сразу растрогался.

—Мурзик, ах ты, паршивец!

Поставил клетку на пол, и они с Чеканом устали на животных, ощущая, как радостно замирает сердце, словно в детстве в зоопарке.

Мурзик заинтересовался серыми в клетке, приблизился напряженной охотничьей походкой. Мыши засуетились и, к восторгу зрителей, запищали.

—Ну, блин, сейчас будет!-прошептал Мотня.

Но тут произошло непонятное. Мурзик вдруг зашипел, чесанул от клетки и пропал в комнате.

—Мурзик! Мурзик!-всполошился Мотня, пошел его искать.

Мурзик забился под кровать и, сколько Мотня и Чекан ни звали его, не хотел вылезать. Попытались вытащить силой — заорал, стал цепляться за всё, что попало, когтями.

—Они, падлы, с ним что-то сделали!-сказал Мотня Чекану.-Утоплю я их теперь!

Мотня и Чекан направились обратно к клетке.

—Не, пацан, что-то они с ним сделали! Ты видал, как они суетились?.. Гляди, они ноги делают!..

Пока Мотня и Чекан общались с котом, мыши ухитрились открыть дверцу и разбежались из клетки во все стороны.

—Лови их!-завопил Мотня, заметался по прихожей, шараясь об стены, вешалку и Чекана.-Дави!..

Они запрыгали, грохая подошвами по полу. Двух мышей сумели раздавить, остальные смылись.

—Ну ты, придурок!-набросился Мотня на Чекана.-«Свезе-

м!.. Мурзика порадуем!..» Теперь из-за тебя мышей полно в доме!

–Ничего. Мурзик переловит.

–А если не переловит? Если они его сожрут? Видал, как он от них дунул?

–Купи мышеловку. А я бы мышек оставил. Для уюта. Сидишь вечером, пьёшь чай, а где-то мышка: хрум-хрум... Вроде сверчка.

Мотня немного успокоился, только дышал громко – так с ним случалось, когда чувствовал себя немного дураком. Но кто сейчас-то был виноват, скажите, а?

–Ладно, Чекан, купишь мне мышеловку.

–Две куплю!-пообещал Чекан.

Вот жмот, нет чтобы для красоты сказать: «сто» или хотя бы: «десять»!

–Ладно, забыли. Давай выпьем-закусим. У меня от этих волнений аппетит разыгрался зверский.

У Чекана, понятно, разыгрался тоже.

–А то! Давно пора червяка замочить.

–Сейчас сделаем! Жалко, хавать очень хочется, а то бы отбивные разморозил.

Мотня любил готовить. Вообще был хозяйственный. В кухне у него валялась целая библиотека из книг по этому делу. Чекан подобрал одну и прочитал:

–«Грёбаная кулинария»...

–Не «грёбаная», а «грибная», придурок!

–Это я шучу,-ухмыльнулся Чекан.

–Ну, ладно! Сейчас по-быстрому сосисочек напустим...

–У тебя какие-нибудь молочные, в презервативах...-прикинулся аристократом Чекан.

–Ты что, пацан! Натуральные говяжьи, в бараньем чреве!

Пока сосиски кипели, пиво, помидоры с огурцами и остальное отнесли в комнату, где Мотня клево расставил всё на низком столе. Чекан почувствовал себя словно в хорошем ресторане, где был один раз, когда всей бригадой обмывали мочиловку Косого.

Мотня налил себе в кружку «5 лет Обручевскому району», Чекану – в другую, без надписи.

–Ну, за удачный день сегодня.

За окном солнце садилось в кратер из облаков. Небо сразу поскучнело и потускнело. Включили лампу. Заодно включили телевизор. В нем крутили кино про ихних заокеанских братков.

–Много у них разговаривают,-заметил Мотня.-Пока кого-нибудь замочат, на тыщу баксов наговорят.

–Наверное у них язык такой,-предположил Чекан.-Располагает к разговорам.

–Да нет,-разъяснил Мотня.-Просто в кино всё туфта. Вон, гляди, лысому ломом дали по балде, а он опять прыгает, как новый.

–Фуфло!-согласился Чекан.

–Ну, давай еще пивка задубасим. Это у них там общество

потребления, а у нас общество употребления...

Но не успели они сделать еще по паре глотков, как с кухни послышался буравящий душу скрип, а затем растрепанный жестяной грохот. Мотня побежал в кухню, а Чекан остался допивать пиво.

Мотня вернулся озадаченный.

—Ничего не понимаю. Ящик из тубмы сам выполз и упал...

—Что там лежит-то у тебя?

—Да хрень всякая: проволока, гвозди, провода...

—Может, дом покосило?

—Тогда бы и другие ящики поехали, чудило!

—Значит, Филиппыч. У меня у тетки в доме живет Филиппыч. Она ему сахарок кладет, чтобы был добрей. Потому что, когда Филиппыч рассердится – всё вверх дном переворачивает. Никого не видно, а посуда с полки так и летит.

Мотня хмыкнул.

—Это ты кина насмотрелся.

—Да пошел ты! Мне тетка сама рассказывала! А общаться с ним надо ласково. Особенно если что-нибудь пропадет с ясного места, и никак найти нельзя. Значит, Филиппыч сбондил. Тогда надо сказать: «Филиппыч, забавник, поди поешь каши, отдай вещи наши». И через полчаса – хоп! – всё снова на месте. А если начать базар на забор мазать, то стремно будет... Еще он зеркало не любит...

—Я мочилровку Косого прошел, там стрельбы было – до неба. Во где стремно было, понял?

—Понял,-кивнул Чекан, потянувшись то ли к сосискам, то ли к пиву, то ли к тому и другому. Но не дотянулся.

Где-то затрещало, свет погас, телевизор потух. Комнату заполнили молчаливые сумерки.

Мотня отвратительно выругался.

—Монтеры наши, туда и так их!

—Позор двадцатого века,-констатировал Чекан.

Поскольку уже довольно сильно стемнело, Мотня взял зажигалку и, освещая себе дорогу ее слабым огнем, отправился к входной двери. По дороге, в прихожей, он бесполезно пощелкал выключателем и снова страшно выругался.

Вернулся он с лестничной площадки уже менее злой, потому что сильно удивленный.

—Хрень какая-то. Все предохранители сразу повыбивало. Включаю — снова вырубает. Не видал такого.

—Может в доме что-то?

—У соседей всё нормально, счетчики крутят, в натуре...

Большой палец Мотни чересчур нагрелся от зажигалки, которой он освещал себе окрестности. Громко матерясь, он затряс рукой, остужая ужаленную кожу. А когда кончил шипеть и рычать, оба приятеля слышали ровный шум водопада.

—Это ты воду на кухне включил?-спросил Мотня.

—Я пиво пил,-возразил Чекан.

—Тогда какая падла кран трогала?

На этот вопрос Чекан на всякий случай не отозвался, всё

более убеждаясь в истинности теткиных рассказов.

Мотня постоял, соображая насчет «падлы».

—А может просто кран лажёвый — потек,—высказал он логичное предположение, но на всякий случай произнес магическую фразу:—Если кого найду — урою!

Снова осветив пространство прыгающим огнем зажигалки, он отправился на кухню. Из крана хлестало, как из петергофского фонтана.

«Интересно, горячая течет или холодная?»—почему-то зашевелилась в голове мысль.

Но как только он взялся за кран, сверху на шею упало что-то легкое, змеящееся.

«Провод какой-то»,—успел подумать Мотня, брезгливо хватаясь за него другой рукой.

Чекан сидел и слушал шум льющейся воды, пока не почувствовал себя немного идиотом. Он слышал грохот табуретки, о которую хряпнулся головой упавший Мотня, но и предположить не мог, что его кореш валяется на полу, а списал всё на малогабаритность наших кухонь и плохую видимость.

«Табуретку сбил, бегемот!»

В конце концов в душе у Чекана стали ползать беспокойные тараканы.

—Мотня! Ты что там, копыта отбросил?—громко сказал он, думая, что шутит.

Никто не отзывался; табуретки больше не падали. Чекан

понял: хочешь, не хочешь - придется оторваться от стула и пива и идти искать кореша.

Он стал шарить свою зажигалку, лежавшую возле тарелки. Зажигалки не было, хотя Чекан точно помнил, как два раза закуривал от нее. Он поднял тарелку, отчего лежавшая в ней вилка с нехорошим звоном упала на пол, и обшарил всё вокруг. Источник огня и света исчез. Не исключено, что зажигалка упала на пол – да где теперь в темноте найдешь!

Чекан почувствовал себя первобытным человеком, безоружным перед силами природы.

–Санёк!-воззвал он.-Кончай умника макарить! Из-за тебя зажигалку посеял!

Мотня продолжал загадочно молчать. У Чекана за воротник поползли мурашки, а в голове завертелось про кашу и про Филиппыча. Он встал и под играющий в кухне клекот воды осторожно двинулся сквозь темноту. Но только вышел в прихожую, как в соседней комнате страшно заорал кот. И тут же по стенам и по потолку загуляли бесшумные оранжевые отсветы.

«Горим!»-влетела в голову мысль и засела там как огромная заноза.

–Мотня, так твою! Пожар у тебя!

Чекан рванул на отсветы, вбежал в комнату и остолбенел. Струи огня на глазах разбегались по паркету, креслу и кровати, взлетали по занавескам.

–Салют Победы, мать-перемать,-пробормотал потрясен-

ный Чекан.

Сорвал с кровати покрывало и стал топтать ногами огонь, но тут же занялось и одеяло, да так бойко, словно было сделано из бумаги.

—Санёк! Вали сюда! Тут шухер полный!..

Покрывало под ногами Чекана не сдавалось, а в комнате становилось всё жарче и светлее.

«Поздно!..-догадался Чекан.-Уже не затоптать!..»

—Мотня! Звони в пожарку!-завопил он и собрался уже сам бежать к телефону, но заметил валяющиеся возле огненного озера пузырьки и, ужаленный догадкой, поднял один и понюхал горлышко.

Запах был острый, огнеопасный, вроде ацетона или скипидара. Хозяйственный он, блин, Мотня, полно всякой гадости в доме.

Чекан понял, что дело нечисто и пора линять. Может быть даже мимо телефона. Вопреки убеждению братвы, он был не полный дурак и допер, что с Мотней уже разобрались, и теперь не исключена его очередь.

В этот момент возле самого его уха раздался странный хрипловатый писк. Чекан очумело повернул голову и вывернул глаза. У него на плече оказалось маленькое существо величиной с мышь и на мышь похожее. Короче, вроде тех, что смылись из клетки. Существо уверенно стояло на задних лапках, а в передних держало наперевес, будто шланг, белую, вроде как полихлорвиниловую, трубку (не иначе – из запасов

того же домовитого Мотни). Трубка уходила куда-то вниз, но куда – Чекан разглядеть не успел. Обнаружив перед собой его нос, существо снова торжествующе-пискливо крикнуло, протянуло трубку вперед – и тут же резиновым молотком Чекану ударило по ноздрям, а в сам нос будто кто-то бросил горсть мельчайших иголок, которые влетели в мозг, словно рой пуль, после чего в глазах, как в сломанном телевизоре, погасло изображение. Лишенное чувств тело еще секунду стояло столбом, а потом обрушилось лицом в огонь, отчего в воздух взвились и запорхали по всей комнате огненные бабочки.

2.

«...Пусть тот, кому захочется увидеть в театре весьма интересный и поучительный спектакль, повернется спиной к сцене и понаблюдает за публикой...»

Прежде чем перевернуть страницу, Алексей Комов высунул голову из красных «Жигулей», перепоясанных казенной синей лентой с надписью «Милиция». Короткая июньская ночь готовилась таять. В ее прозрачных сумерках можно было различить, как из обезображенных пожаром окон на пятом этаже вьется легкий седой дымок. В одной из этих черных пещер появился пожарный в громоздких запачканных доспехах с белыми полосками и что-то крикнул.

–Сейчас развеется... дышать чтобы...-невнятно донеслось оттуда.

Да длись бы это «сейчас» хоть сто лет, не жалко! Всё равно суетиться приходится больше, чем положено за такую зарплату.

Комов спрятался обратно в «Жигули» отвратительного колера и с наслаждением снова открыл книгу.

«...невероятно разнообразный характер восприятия и разная его степень раскроются здесь перед физиономистом, наблюдающим за публикой, лучше, чем где-либо в другом месте, даже лучше, чем в церкви, ибо там лицемерие прячется, а в театре оно может быть проявлено без всякого опасения...»

Недолго удалось кайфовать с Вагнером. Стук по жестяной крыше «Жигулей» рукой резкой, несентиментальной.

– Сыщик, вылезай! Твоя очередь париться! (один из спасателей, немного навеселе) Там двое, мы им уже не нужны.

Вагнер со вздохом положен на сиденье. Интересно, каким образом Петрович для казенной машины такой чехол надывал: под тигровую шкуру?.. И почему – только на заднее сиденье?.. Впрочем, тут никакой великий сыщик не раскопает: логики в действиях Петровича никогда не было.

Алексей Комов махнул оперу и фотографу которые в стороне курили и точили ляды с пожарными.

Мимо толпы мрачно гомонящих жильцов все трое (зовётся солидно: следственная бригада) вошли в темную пещеру подъезда, наполненную едким запахом Апокалипсиса, и, светя фонарями, поднялись на пятый этаж.

Возле дверей злополучной сгоревшей квартиры, оберегая ее от мародеров, переминался участковый.

—Кто тут жил-то?—спросил Алексей без особых эмоций.

—Ялов Александр по кличке Мотня.

—А второй?

—Такую головешку разве различишь!

—А первую?

—Так соседи ж видели, как Мотня... Ялов, то есть, подъехал на своей машине. С приятелем был, по кличке Чекан.

—Стало быть, второй - Чекан?

—Стало быть.

Прибежал запыхавшийся стажер (бегал звонить родителям, чтобы заехали к нему, погуляли с собакой).

—Вот и я, Алексей Петрович, извините...

—Не сильно запыхался? Ну, пошли.

Комов набрал в грудь побольше служебного рвения, задержал дыхание и шагнул в квартиру.

Пожар и два трупа.

Ну, не самое ужасное.

Участковый пошел следом: скучно у двери груши околачивать.

—Вот этот скорее Мотня... то есть, Ялов. По комплекции похож,—сказал он, указывая на обугленную грудь на полу в кухне.—А другой, там, в комнате, стало быть, Чекан.

Тоска...

—Пиво или водка?

–Водок было три, но все вроде как полные сгорели. Пива - двенадцать штук, из них пять не деформированы, значит, выпиты до пожара.

–Маловато для такого огня.

–Кто их знает, чем еще они здесь баловались...

Сопровождая свою прогулку таким вот пустым трепом, все трое прошлись по выеденной огнем квартире, светя фонариками, слегка морщась от нехорошего запаха сгоревшего жилища и осторожно переступая через разную дребедень. Судебный фотограф, как человек творческой профессии, молча жевал бутерброд, не принимая участия в низменных разговорах.

Когда подошли к окну – подышать – Комов с тоской посмотрел вниз, где в «Жигулях» ждало «Избранное» Вагнера.

–Вот еще что,-вспомнил участковый.-Соседка напротив видела, как перед пожаром Мотня на площадке что-то делал и матерился... Она даже хотела замечание сделать. У нее ведь дочка-школьница...

–Что именно делал?

–Можно спросить, здесь она.

–Сейчас выясним... Где опер? Куда подевался?.. Ладно, стажера направим.

Комов крикнул:

–Михаил!

Тот явился, нос уже в саже.

–Давай, Михаил-архангел, разыщи жилищку из кварти-

ры...

—...номер сорок шесть,-вставил участковый.

—...и расспроси хозяйку...

—...Ирину Араповец,-снова заполнил пробел участковый.

—Узнай: что именно сгоревший гражданин Ялов делал на кануне пожара на лестничной площадке?

Стажер исчез. Прогулка продолжилась.

—М-да... Следочков-то не осталось... -через некоторое время протянул участковый, будто соболезнуя.

—Песню знаете?-спросил Комов.

—Какую?

—«Ничто на Земле не проходит бесследно».

—Ну, то песня!-сказал участковый с превосходством философа.

Снова явился Михаил. Многозначительный, как любитель романтики, все еще мыслящий огромными категориями, такими как «тайна», «злой гений», «дедукция».

—Потрясающе, Алексей Петрович! У сгоревшего жилья пробки выбило за час до пожара. Все сразу.

—Ясно,-подвел итог участковый.-Испортилась проводка, зажгли свечу и по пьяни сгорели.

—Сначала надо понять, что и где замкнуло,-сказал Комов, тоскуя от необходимости всё объяснять этому увальню в погонах.

—Утюг какой-нибудь тайваньский... или скорее телевизор отечественный,-поправился участковый.-У меня у тещи на

даче та-ак рванул!... А может пожарные вырубили предохранители-то...-занялся он дедукцией.

–Пожарные сразу весь дом вырубают.

–Да знаю я,-слегка обиделся участковый.-Особенно если пеной или порошком тушат... позамыкает всё к едрене фене!

–В общем, посмотри, Михаил, что там у них с проводкой. Помнишь, как лектор говорил: следы – это материальные отображения на предметах признаков внешнего строения других материальных объектов, контактно взаимодействовавших с первыми...

Стажер, не дослушав, снова исчез; Комов продолжил прогулку.

М-да, крепко же умеют вбить в голову некоторые преподаватели... Криминалистическая диагностика... криминалистическая техника... определение сведущим лицом... Это я, стало быть, сведущее лицо, отметил Комов. И Михаил тоже - в какой-то мере сведущее... определение сущности какого-либо факта, явления, обстоятельства, свойства и состояния объекта, не связанного с отождествлением... и прочая, и прочая...

Появился Михаил с детской радостью на лице. Победитель. Царь горы.

–Нашел, Алексей Петрович.

–Что именно нашел?

У стажера на лице отразилось некоторое замешательство. Явно не мог понять, как объяснить.

–Причину нашел,-сказал он наконец.

Вслед за стажером они зашли в соседнюю комнату и оставались, шаря вокруг фонарями.

–Вот,-сказал Михаил. Почти упершись лбом в стену, он показал пальцем вниз.-Здесь по плинтусу шел провод к розетке... Видите?

Комов присел на корточки.

–И что?

–Вот здесь... посмотрите внимательней. Провода замкну-ты.

Комов увидел расчищенное студентом место, взял двумя пальцами обгоревшие медные жилы, похожие на обгорелые веточки, и подтянул поближе к глазам. Обе они были аккуратно соединены довольно толстой проволоочной перемычкой.

–Зачем это Мотня себе такое устроил?-удивился участковый, заглядывая через плечо.

–Боюсь, что это не Мотня,-отозвался стажер, нервно хихикая и бережно распахивая золу.-Видите эти доски обгорелые и крючки от вешалок? Здесь к стене был придвинут очень солидный шкаф. Провод шел как раз за ним по плинтусу. Ваш Мотня даже руку бы сюда не просунул.

–М-да...-протянул Ковов озадаченно.-Поставил ты, Михаил, нам задачу.

Участковый молчал, судя по всему – тоже усиленно думал.

Алексей почувствовал, как его следовательский нюх понемногу просыпается. Прогулка обещала быть интереснее, чем рисовалось вначале.

—Надо же, какое дело...-наконец проговорил участковый, погрязнув в анализе и не находя спасительных аналогий в тещиной биографии.

—Ну-ка, давай, Михаил, повнимательней пошарь еще,-велел Комов, стирая сажу с пальцев.-Прощупай все проводочки, какие остались.

Послав стажера заниматься этой непрестижной работой, он обратился к участковому:

—Сделайте одолжение, опросите жильцов: кто-нибудь видел, как из квартиры или из подъезда выходили незнакомые люди?

—Понял! Будем искать.

Участковый ушел, а Комов снова прошелся по пепелищу, глядя по сторонам с гораздо большим интересом, чем прежде. Из-за этого ли интереса или из-за молочного света, уже заливавшего небо и напоминавшего о близком восходе, предметы в окружающем смрадном месиве смотрелись гораздо конкретнее. Начав какую-то деятельность, Алексей почувствовал некоторое моральное облегчение, хотя и понимал, что скорее всего это просто физкультура. Прыжки на месте, бег трусцой по кругу... Взгляд задержался на тонких металлических ребрах. На полу не замеченная ранее (да и хотел ли он что-нибудь раньше замечать-то?) валялась обго-

ревшая клетка. В такой обычно держат певчих птиц или мелких животных. Комов пошевелил ее ногой, и вдруг взгляд зацепился за нечто. Он поднял клетку и рассмотрел жестяной флажок на одном из прутьев. Инвентарный номер. Слава государству с его инвентарными номерами!

Комов поставил клетку на видное место, чтобы потом забрать с собой.

Через час картина проявилась следующая:

По всей квартире в нескольких местах были обнаружены тщательно исполненные замыкания в электропроводке, причем чтобы сделать некоторые, надо было ухитриться залезть в очень ограниченное пространство... точнее, в щели, в которые и кошка не пролезет. Рядом с Мотней оказался провод, проведенный зачем-то от разъема для электроплиты. При более внимательном осмотре обнаружилось, что на кран было пущена другая фаза из того же разъема. В комнате, где сгорел Чекан, нашелся взорвавшийся от огня баллончик, похожий на те, что дамочки носят для самообороны. Также были обнаружены два тайника с пеплом зарубежных валют (судя по платиновым ниточкам) и один – с расплавившимися предметами из драгметаллов.

Для несчастного случая или выяснения отношений что-то слишком сложно. Групповое самоубийство двух пацанов? Не смешите меня... Баллончик зачем-то... Кто-то баловался, очевидно, баллончиком? Не сами же в себя они прыскали?.. Но вот странно: дверь-то заперта. На задвижку. Креп-

кая дверь, пожарные еле смогли взломать. И задвижка - просто понятие в данном случае. На самом деле это целый за-сов...

Значит, никто не выходил. И жильцы тоже никого не видели, как сообщил участковый.

По радиии прислали объективку: Ялов Александр Игоревич, по кличке Мотня, легко впадает в ярость, может быть бессмысленно жесток...

Всё равно ничего не объясняет.

Но чем-то зацепило Комова это дело.

В любом случае, не просто банальное лишение жизни сожительницы при помощи топора в результате бытовой ссоры после распития традиционного напитка.

На заднем бампере стоявшей возле дома и принадлежащей... точнее, принадлежавшей Чекану автомашине марки «джип» были обнаружены свежие следы столкновения с другим транспортным средством. Комов соскреб в пакетик остатки чужой краски: вдруг удастся установить какие-то новые факты из жизни двух сгоревших братков?

3.

Помните здание, с которого мы начали рассказ? Теперь вы бы его не узнали, уверяю вас. Свершилось пророчество вдохновенного прозовестника эпохи великих дизайнерских чудес. Наступило господство качественно оформленного про-

странства. История злобно посмеялась над незатейливыми прямоугольниками старой эпохи. Отныне люющийся в хрустальные окна свет не будет путаться в скучных углах!

На зеленой вуали, прикрывающей недопреображенную стену, трепетало на весеннем сквозняке полотнище:

«ОФИСЫ В АРЕНДУ»

Алексей Комов вошел в вестибюль, наполненный будоражащим запахом строительных работ и стопками напиленных кусков мрамора. Дробящиеся гулким эхом голоса рабочих и повизгивания инструментов делали обстановку не слишком чопорной.

Тем не менее, появился охранник, демонстрируя недреманное око.

—Вам куда?

—Насчет аренды офиса.

—Документы есть?

—А как же.

Комов дал паспорт. Охранник, сопя, записал.

—На второй этаж, налево. К Домогацкому.

Алексей послушно поднялся на второй этаж, удивляясь по пути безграничной фантазии дизайна, разъедающего старое тело бывшего научного института. Домогацкого Комов, разумеется, разыскивать не стал. Не исключено, что этот самый Домогацкий был интересен каким-то другим следователям, но не ему.

Комов же выбрал из попадающихся навстречу людей мо-

лодого человека с безобидным лицом начинающего карьериста и спросил:

– Не подскажете, где найти господина Прыгунова?

Гордый своей информированностью и лондонским галстуком, тот с готовностью подсказал.

В указанном месте на стене действительно красовался бюрократический пряник с нужным именем. Комов заглянул в дверь, оценивая находящуюся за ней секретаршу. Все самые отвратительные признаки данной профессии у этой женщины были налицо, а милые достоинства отсутствовали совершенно.

«Ну что же, за ту зарплату, которую нам платят, можно особо не суетиться», – сказал себе Алексей.

Не зря в один из карманов его пасхального пиджака, надетого по случаю визита в богатый офис, была засунута книжка – на сей раз «Рождение трагедии из духа музыки» Фридриха Ницше. Очень удобное для таких случаев издание соответствующего размера.

Он встал возле окна, открыл Ницше и со спокойной совестью стал читать:

«Все существующее и справедливо и несправедливо – и в обоих видах оправдано. Таков твой мир!..»

Наконец из двери вышел некто, в нее не входивший. Комов убрал книгу, догнал спину, обтянутую более добротным пиджаком, чем у него, и рискнул предположить:

– Леонид Антонович?

Тот обернулся, прищулив из осторожности глаз.

—Да, я.

—Я Алексей Комов.

—Извините, что-то не припоминаю.

—И не припомните. Я следовательно (откровенно говоря, не умел он озвучить это слово в нужной тональности). Если хотите, могу показать удостоверение.

—Очень приятно,-голос бывшего директора института напрягся (а у кого бы не напрягся?).

—Да, собственно, приятного мало. Хотя дело вас конкретно не касается.

—Это как раз и приятно,-усмехнулся Прыгунов.

—Согласен.

—А нельзя ли конкретней?

—Вы правы, время нынче дорого. Дело такое: в одной сгоревшей квартире нашли предмет с бирочкой. На бирочке – инвентарный номер, как выяснилось – вроде бы вашего института... бывшего института,-поправился Комов, оглядываясь на технократичный уют вокруг.-Института, который был здесь, и которым вы руководили. Бирочка приобщена к делу о пожаре как вещественное доказательство... А вы, значит, теперь здесь и по-прежнему осуществляете свои функции?

—Да, пригласили вот... осуществлять,-коротко сказал Прыгунов.

Он взял бирочку с безгловым равнодушием.

—Действительно, похоже на нашу... С какого, говорите,

предмета бирочка?

—С клетки. Вроде птичьей.

—А... Значит, из какой-нибудь лаборатории.

—А лаборатории где?

—Были,-сказал Прыгунов и, как показалось Комову, загрузил. —В том крыле,-махнул он рукой. —Первый этаж.

—А работники?

—Работники...-протянул Прыгунов, снова гримасничая и скаля зубы в непонятной ухмылке. —Работники там разные были. Ученые, лаборанты, рабочие...

—И никого не осталось?

Прыгунов вздохнул, дав понять, что, к сожалению, этим вопросом не задавался.

—Что ж, спасибо за то, что рассказали,-поблагодарил Комов, снова озираясь. —Кто ж теперь этим всем владеет?

—Фирма «Колумб».

—Я читал: был какой-то скандал с этим «Колумбом», — заметил Комов к слову.

—А кто сейчас без скандала? —резонно отозвался Прыгунов.

—Верно,-вынужден был согласиться Алексей. —И кто его возглавляет, это общество?

—Не знаю.

—Ну а в этом здании главный кто?

—Сидит тут один. Директор... Исполнительный.

—Ясно. Зиц-председатель. А настоящие владельцы?

—Настоящие высоко сидят. К ним не подобрешься.

—Кто же они такие?

—Не знаю,—быстро сказал Прыгунов.

—А вы здесь кто?

Прыгунов снова оскалился, на сей раз изображая недоверие.

—Что-то вы темните. Начали с какого-то номерка... с пожара неведомого... В кабинет ко мне не зашли... А теперь вон на какие темы съехали. В чем-то подозреваете меня? Так и скажите!

—Подозреваю. Но я здесь по другому делу. Поэтому, кстати, и в кабинет не зашел, чтобы лишних разговоров не было... Разве я неправильно сделал?—преувеличенно удивился Комов.

Прыгунов милицейское ехидство проглотил, хотя и без особого аппетита.

—Ладно,—сказал Комов, оставив эту тему.—Пойду искать лабораторию.

—Там уже евроремонт сделали,—в свою очередь съехидничал Прыгунов.

Всё-таки доволен, что я не стал здесь махать направо-налево удостоверением, понял Комов.

Обманул его Прыгунов. Точнее, слукавил: в том крыле, куда он отправил Алексея, ремонт еще не закончился (не исключено, что здесь и было как раз то самое место, где фасад снаружи завешен зеленым строительным тюлем). Комов так

долго скитался по проходам, спотыкаясь о кабели и шарахаясь от сыплющихся неведомо откуда искр, что кто-то из занимающегося вокруг своим делом рабочего народа в конце концов поинтересовался:

—Кого ищешь, командир?

—Тут ведь научный институт раньше был,-то ли спросил, то ли сообщил Комов.

—Да говорят, был,-весело отвечали ему.

—А лаборатории не здесь размещались?

—У тебя что — родственники там работали?

—Знакомые,-соврал Алексей.

—Ну ищи теперь своих знакомых... в Интернете!-пошутил один голос, а прочие поддерживали шутку:

—Га!..

Это «га!..» крапивой прошлось по Комовскому самолюбию, и он с орлиным клекотом в горле каркнул:

—Да есть здесь кто-нибудь из этого раздолбанного института?

—Я из этого раздолбанного института,-услышал он. Но сразу не осознал, что вроде как надо радоваться, а наоборот наполнился досадой. Поскольку после своего плебейского крика предпочел бы, чтобы отозвавшийся голос был мужским. Но тот был женским. Точнее, принадлежал созданию с чем-то вроде небольшого финикийского корабля из волос на голове, лиловыми губами, лиловыми ногтями, в лиловых колготках... «Бьюсь об заклад: ногти на ногах у нее того же

цвета», - подумал Комов. В его дедуктивно настроенной голове этот облик не очень вязался с деятельностью научного учреждения старого образца.

—Очень приятно, - тем не менее галантно сказал он как полагается в таких случаях. - Вы правда работали здесь?

—А вы кто?

—Я Алексей, - сказал Комов, щепетильно взял непонятное создание за руку где-то возле локтя и вывел из-под обстрела чужих глаз и ухмылок. И от лишних ушей. - Разрешите узнать, как вас зовут?

—Разрешаю. Лиза.

—Какое милое имя.

—Вы всё-таки кто?

—Журналист, - гордо сказал Комов. - У меня задание написать об институте.

—О том, как его угробили?

—Если его угробили, напишем и об этом.

—Прямо не знаю, - сказала она.

—Вы не хотите помочь прессе? Кстати, как же вы здесь остались? И, похоже, процветаете? - задал щекотавший его с самого начала вопрос.

—Компьютерщики везде нужны.

—А... ну да, - посмотрел на нее с уважением, и тут же профессиональное чувство восторгнулся в нем. - Значит, у вас должны быть хорошо развиты память, логика...

—Не знаю, - сказала девушка Лиза и впервые за весь разго-

вор улыбнулась.-Но только меня не надо впутывать в это дело.

—Конечно нет, что вы! Обещаю, что ваше имя не будет упомянуто. Я даже фамилии вашей не знаю («И прекрасно!»-ввернуло создание). Покажите мне только, где у вас тут была лаборатория?

—Какая именно?

—Ну... где клетки стояли... такие, знаете... для птиц... или зверьков.

—А! Знаю. Я там недалеко сидела. Забавные у них зверечки были. Свинки морские, обезьянки.

—Обезьянки? (У Комова мелькнула почти безумная мысль) Большие?

—Вот такие.

Она показала - какие.

Алексей прикинул. В найденную клетку влезет, но с трудом. А свинки спички зажигать не умеют.

—Не проводите меня туда?

—Да там уже всё переделали!

—Вот и посмотрим.

—Я вообще-то жду... сейчас должны компьютеры привезти...

—А мы быстренько!

Светлый взгляд и улыбка Комова ее обезоружили.

—Ну ладно. Идемте.

Взвизги и уханье инструментов постепенно сменились

более приятным аккомпанементом цокающих каблучков. Алексей не отказал себе в удовольствии поглазеть на ее ноги, щедро открытые взорам всех желающих. Черт, сколько же в некоторых бабах соблазна! Даже тоскливо делается.

Они прошли в какие-то двери и оказались в гулком пространстве между голыми стенами и аккуратными герметичными окнами.

—Вот здесь... Я же говорила: всё уже переделали. Скоро сюда въедут. Кажется, рекламное агентство.

Комов уныло огляделся. В этом стерильном благолепии нечего было делать. Античные руины, скрывающие тайны истории, были безвозвратно погребены под асфальтом хайвэя.

Но он почему-то медлил.

—Что будете делать?—поинтересовалась девушка.

—М-да...—промычал он вместо ответа, нервно щупая в кармане жестяной номерок, снятый с клетки.—И что... всё здесь уже... вот так?

—Да,—вздохнула она.—Здесь уже всё... вот так. Вы что ищите?

Что ей ответить? Ищу тень прошлого, оставшуюся под финской краской и придавленную плиткой «Черный Лесбос». Ищу голоса, застрявшие в трещинах под штукатуркой....

Чьи-то шаги и бойкое насвистывание избавили его от ответа. Потом в меру отвратительный голос попытался запеть:

«Миллион, миллион алых роз...» Но песня оборвалась, как только Алексей Комов и его спутница оказались в зоне видимости певца. По шляпе с маленькими полями, неподстриженным усам и дешевой авторучке, нелепо торчащей из кармана пиджака, Комов безошибочно узнал мелкого строительного начальника. Опережая дурацкие вопросы, он взглядом прочертил потолок и немного развязно, в стиле эпохи, сказал:

—Всё классно. Не придерешься. Верно, Елизавета?

При этих словах вошедший тоже с удовольствием глянул по сторонам, и глаза его сощурились от воспоминаний.

—А вы видели, что здесь было?

—Нет,-отозвался Комов, показав всем видом, что заинтригован.

Строитель погладил подошвой башмака гладкую сверкающую поверхность пола.

—Во! Красота! А было что? Не поверите: под линолеумом чуть ли не навоз был. Авгиев институт (засмеялся своей интеллектуальной шутке). Здесь ведь научное заведение обреталось.

—Ну?-изумился Комов.-А были какие-нибудь вещи, бумаги?

—Какие бумаги?-насупился тот; его рот подозрительно застыл под усами.-Причем здесь бумаги?

—Знаете, там могли быть автографы известных ученых. Письма... дневники... А это денег стоит.

Рот у строителя смягчился.

—Полно бумаг было.

—Где же они?

—Какой-то их тут всё выносил. Вроде дворника.

—Дворника?

—Ну да... Там во дворе у него каморка... (почти сочувственно) Может и осталось чего...

—Не исключено,-согласился Комов.

—Желаю удачи,-попрощался с ними строитель и довольно быстро исчез.

—Что же, пойду искать дворника,-сообщил Алексей Лизе.

Он увидел глаза, полные откровенных подозрений.

—А вы из какого издания?

—Из солидного.

—А всё-таки?

—Знаете, что? Если вы хотите продолжить разговор...

—Нет,-обрезала она.

—Ну вот! А я хотел вам всё о себе рассказать. Но только не здесь. А знаете, где?

—Где?-не выдержала она.

—Не знаю,-признался Комов.-Но ведь можно найти какое-нибудь симпатичное место, правда?Голос у него был такой искренний и даже почти умоляющий. И вообще он выглядел в этот день очень прилично, не на свою зарплату.

—Ну... я не знаю...-протянула она, смягчаясь.

—Чтобы вас не пугать, предлагаю на выбор: мой телефон

вам или ваш – мне?

–Ну... запишите мой рабочий.

Вот так суровый следователь, с ходу западающий на длинноногих свидетельниц!

«Но ведь она работала в том самом институте!-придумал он тут же для себя служебное оправдание, записывая телефон.-А теперь работает в этой самой блатной конторе. Что может быть ценнее такого информатора?»

На обратном пути Комов нашел во дворе логово дворника, которое нетрудно было определить по припаркованной возле него традиционной детской коляске с привязанным сверху проволокой жестяным корытом. Дверь логова была приоткрыта, хозяин внутри звенел стеклом. Как выяснилось, он сортировал по калибру честно добытые пустые бутылки и к появлению Комова отнесся неприязненно.

–Посторонним сюда нельзя!

–Извините ради бога, я по одному небольшому делу. Когда институт освобождали, говорят, вы занимались вывозом мусора?

–Ничего я не знаю,-неприветливо ответил дворник.

–Ну конечно!-поощрил это незнание Алексей.-Вы и знать ничего не должны... Скажите, а совершенно случайно что-нибудь от того мусора не осталось?

–Вы кто – шпион?-враждебно спросил мрачный тип, отрываясь от подсчета бутылок.

–Так осталось или нет?–повторил Комов, переместившись так, чтобы немного подсветить эту неприятную физиономию втекающим снаружи разбавленным солнцем.

–Был разный мусор... Всё выкинул.

–А ничего не оставили себе... на память? Исключительно на память?

–Ничего.

По глазам Комов увидел: оставил. Рука полезла за удостоверением, но по дороге Алексей передумал и вытащил красивую бумажную купюру.

–Мне бы только взглянуть.

Дворник посмотрел на купюру с желанием и опаской.

–Бумаг много было разных...

–Но что-нибудь-то осталось?

Дворник повернул голову вбок и задумчиво посмотрел на завешенную разнообразной полиграфической продукцией стену.

–Вот тут...-сказал он.-Календарик ихний я повесил.

Комов был вынужден подойти вплотную к этой выставке улыбающихся красоток, ковбоев фирмы «Мальборо» и гоночных автомобилей, где разобрал знакомое по гляцевым журналам и французским кинофильмам какое-то архитектурное чудо Парижа.

–И больше ничего?–спросил он, поигрывая в воздухе купюрой, словно козырной картой.

Дворник добросовестно подумал.

—Разве вот еще папочка...

—Можно посмотреть?

—Да просто папочка. Ничего в ней такого...

Сдерживая раздражение, которое у него вызывал упрямый посетитель, хозяин логова начал рыться в своих сокровищах, приговаривая:

—Просто папочка красивая... А ничего в ней нет... и не было...

Наконец он нашел обычную коленкоровую папку с ужасным псевдозолотым тиснением и гордой надписью «Москва».

Корявыми пальцами он раскрыл папку и показал ее тусклые внутренности Комову.

—Ну-ка, дайте я взгляну,-сказал тот, протягивая в обмен купюру.

Решив, что уже достоин, дворник взял бумажку. Взял он ее, надо сказать, с гораздо большим удовольствием, чем Комов - холодный скользкий коленкор, извлеченный из помойки. Что, интересно, собирался хранить в нем страж чистоты двора? Записки о новом методе сгребания опавших листьев? Газетные вырезки о жизни принцессы Дианы или Аллы Борисовны Пугачевой? А может быть просто чистые рукавицы, выданные по случаю начала нового финансового года?..

Алексей не успел всласть поразмышлять над этим. Повернув папочку к свету, он сразу заметил на желтенькой подкладке полустершуюся надпись, с педантичной аккуратно-

стью сделанную шариковой ручкой: «Петросорокин И.А., 14-й отдел».

На работе он направил запрос на поиск гражданина Петросорокина И.А., в возрасте 20-65 лет. С такой замечательной фамилией долго ждать не придется. Прямо повезло ему, Комову, с такой фамилией владельца папочки.

4.

Какое тошнотворное занятие: в конце месяца пытаться перехватить у сослуживцев денег в долг! Когда тебя окружают представители среднего звена МВД, трудно рассчитывать на быстрый успех. Зато можно рассчитывать на самые лучшие в мире глупые шутки, поскольку народ начитанный, подкованный, слова в простоте не скажет.

–Извини, старик, сам на мели, ты разве не слышал, что сингапурский доллар упал?

–Денег не дам. А как разбогатеть, подскажу: женись – и будет у тебя заначка.

–Будь философом. Вспомни, как древнегреческий философ Антисфен говорил: «Дети наших врагов пусть живут в роскоши».

Впрочем, все эти шуточки - просто попытка придушить чувство собственной финансовой неполноценности.

Получается, что взять в долг можно снова только у лучшего друга, Марата Халиулина, которому уже должен полто-

ры тысячи. Поэтому приходится начинать сложный разговор издалека.

—Марат, я вот что хочу сказать, но ты на меня не сердись, ладно?

—Да что ты, Лешь, потом отдашь. Мне не к спеху.

—Да я вообще-то не про это... То есть про это. Но не совсем...

—Какие-то проблемы?—Марат забеспокоился.

—Проблемы...-угрюмо сказал Комов.—С девушкой познакомился.

—Всем бы такие проблемы! И как девушка?

—Высший класс. Красавица и умница.

—Догадываюсь. До свадьбы все они мало едят, носят длинные волосы и терпеть не могут золото и бриллианты... Где работает?

—Не знаю. Компьютерами занимается. На одной фирме.

—О! Значит богатая. В любовной истории хорошо, когда один участник богатый!

—Говорю тебе, ничего о ней не знаю. Вчера познакомился.

—Откуда же проблемы, если только вчера познакомился? Чтобы проблема проявилась, знаешь ли, некоторое время нужно.

Наконец-то подрулили к нужной теме.

—А ты не догадываешься, что девушек нужно развлекать?

—Своди ее в кино. Или погуляйте в Коломенском.

Дипломат Маратик!

—Твой совет был бы чрезвычайно хорош, если бы я уже не пообещал ей.

—Что? Угостить мясом пьяной обезьяны под кисло-сладким соусом?

—На худой конец хотя бы так.

Халиулин замолчал. Очевидно, начал понимать, что его приятель настроен серьезно.

—Работник такого ведомства, как наше, не должен жить не по средствам.

Может он от чистого сердца это говорил, но Комову было не легче. Отчего это, скажите мне, мужчина, повстречав приглянувшуюся мордашку, так редко дает себе труд подумать о последствиях? Не потому ли, что поначалу всё кажется таким простым и милым, и только потом вспоминаешь, что ведь надо будет развлекать, угощать, с живым интересом выслушивать наивный до оскомины щебет и непринужденно смеяться в нужных местах.

—Ты со мной согласен?

Молодец Марат, образцовый работник. Трудится, как пчелка и мечтает со временем из следователей перейти в судьи. А чего хочет Комов? Стрельнуть пару тысяч, не представляя толком, когда сможет их отдать.

—Ты же знаешь, Марат, что я отдам.

—Я-то знаю. А если бы вместо меня был нечистоплотный человек с плохими намерениями?

—У таких я не прошу.

Лучший друг посмотрел на Комова, не слишком скрывая, что относится к его словам, как к художественной литературе.

—Значит, обещаешь?

—Что? Отдать? Конечно, обещаю.

—Нет. Брать только у меня.

—А что, у тебя так много лишних денег завелось, что давать некуда?

—Это тебя не касается. Если хочешь получить заем, то обещавай.

Комов заколебался, словно зверь, почуявший на пути западню. Но другой тропы не было.

—Ладно, обещаю.

—Точно?

—Точно.

Халиулин разломил портмоне — такое же аккуратное, как весь он.

—Вот тебе. Это всё, что есть, и в ближайшие три месяца свободных денег у меня не будет. А может и дольше.

—Я так и знал, что дело нечисто. Всё-таки нарвался на человека с плохими намерениями, — сказал Комов, глядя на протянутые бумажки как на Иудины серебряники.

—Бери, пока есть. И помни, что обещал.

—М-да, связался с юристом...

—От юриста слышу.

—Что ж, мотивы преступления мне понятны. Хотя осно-

ванием для оправдания служить не могут.

Оба засмеялись сдержанным смехом сдержанных людей.

—Ладно, нянька. На самом деле я тебе благодарен за заботу о моем моральном облике.

Ну скажите, много ли на свете людей, которые могут похвастаться, что у них есть такой внимательный, преданный друг?

—Не развращай меня лестью. Скажи лучше, зачем ты всё управление заинтриговал своими запросами?

—Какими?

—Насчет какого-то института с подопытными животными. Говорят, все сильно веселились. «Прошу уточнить назначение проводившихся опытов и номенклатуру подопытных животных».

—В принципе мне это не нужно уже. Я ниточку к одному человеку нашел, он мне всё сам теперь расскажет.

—Про номенклатуру животных?

—Ты не смейся. Помнишь, как лектор говорил: у маленького хвостика может оказаться большой хозяин.

—Еще бы! Помню, как заявление о краже гуся привело к трупу в холодильнике.

—Вот видишь!

—Ладно, потом расскажешь, что к хвостiku прицеплено: слон или мышка.

—А если крокодил?

—Еще скажи: дракон! Никогда за тобой карьеризма не за-

мечал. Или ты как урка: без престижа не можешь? Я тут на днях сажал одного крутого на шесть месяцев, так он чуть не плакал: повесь, говорит, начальник, на меня хоть что-нибудь еще, а то как я с такой мелочью в зону зайду?

Побалагурив еще чуть-чуть, Халиулин ушел. Теперь можно было позвонить.

—Здравствуйте, Лиза. Это Алексей Комов. Напомнить вам, где мы познакомились?

—Да вроде не надо,-хихикнула она.-Ведь встреча была незабываемая, верно?

—Польщен такой оценкой. Как вы смотрите, чтобы посидеть завтра, в выходной день, в одном уютном месте?

Голос ее немного растерялся.

—Завтра?..

—У вас что - ночная смена?

—Нет-нет, я только днем работаю... А где вы хотите посидеть?

—На Пятницкой. Есть там одно место, очень уютное... (по утверждению Марата).

—Скажите, а есть там поблизости площадь какая-нибудь... желательно пошире?

—Насколько помню, нет.

—А можно выбрать место, чтобы рядом была площадь... лучше - с памятником? Поклонная гора, например...

Хорошая штука девушки. Особенно до того момента, пока не известно, что у них под прической. Потом бывают разо-

чарования. Но чтобы так вот сразу навести на подозрение!..

—Насчет Поклонной горы не знаю. Мне кажется, место не совсем удачное для нашей встречи.

—Жаль...

Уж не сдвинутая ли попалась, подумал Комов. Теперь много сдвинутых. Комову однажды попалась буддистка-индуистка. Без душевного содрогания невозможно вспоминать такое знакомство. Нормальная была девушка, очень даже ничего, пока не решила открыть Алексею глаза на то, как устроен мир. Ему с его Уголовным кодексом места в этой философии не оказалось, поскольку оказалось, что судьбы людей предопределены энергетикой предыдущих жизней. «А жертвы серийных маньяков?»—спросил он, потрясенный. «Значит, тянется за ними какая-то темная ниточка из прошлого, потому именно с ними так и случилось»,—безмятежно пояснили ему. При этих словах Комов сначала ощутил желание показать своей подруге одну из таких... с ниточкой, а потом тошноту. Потом тошнота прошла, а вместе с ней прошла и любовь.

Все эти воспоминания пронеслись в Комовской голове в одно короткое мгновение. Речевой же аппарат его жизнерадостно отозвался:

—Ладно. Подберем что-нибудь с площадью.

—Большое спасибо.

По ее смущенному голосу он понял, что спрашивать сразу в лоб, зачем ей площадь с памятником, нетактично.

Рядом с площадью по деньгам получилось дороже, поскольку дальше Октябрьской площади фантазия не пошла. Зато там с памятником, еще с каким!

Потом Комов ознакомился с результатами экспертизы: на тачке Чекана оказались следы уралкидной автоэмали советских времен, произведенной на рижской фабрике. Значит, речь может идти скорее всего о «Волге», «Москвиче» или «Запорожце», выпущенных до 1992 года.

Пришли сведения и о Петросорокине И.А., всего один оказался такой в Москве. Повезло тебе, Комов, с этой фамилией, еще раз сказал себе Алексей, разглядывая адрес. А вот с адресом не повезло. Не слишком удобно селили рядовых ученых.

Он, разумеется, тут же отметил, что социальные признаки транспортного средства, поцарапавшего бандитское авто, соответствуют статусу интересующего его человека. На всякий случай проверили эту версию. Однако выяснилось, что Петросорокин И.А. машины не имел и водительских прав не получал.

5.

Атмосфера в подъезде сразу напомнила Комову о старушке-попрошайке, стоящей на Тверской с плакатиком: «Помогите! У меня 43 собаки и 21 кошка». Правда, пока Алексей добрался до третьего этажа и нашел нужную дверь, обитую

дермантином и в пупках, все ароматы вытеснил запах щей. Кроме того, экологию обременяли многочисленные звуки, сочащиеся сквозь стены: орало радио, ныл ребенок, шумела вода.

Комов нажал на кнопку и почувствовал, как звонок (свободно висящий, как оказалось, на проводе) ерзает, ускользая из-под пальца.

«Фундаментальная наука! Очень узкие специалисты, черт побери! Звонок приделать не могут!»

Крякнула паркетная доска, потом за дверью появилось тихое дыхание. Кто-то разглядывал следователя в глазок. Комов снова нажал на кнопку. На сей раз ладонью. После чего не очень приятный женский голос спросил:

—Кто там?

—Можно Ивана Алексеевича Петросорокина?

—Его нет.

Тишина.

Подождав, Комов позвонил в очередной раз и подольше. Потом забарабанил в дермантин.

По разошедшемуся дереву снова заскрипели шаги, тот же голос сварливо сообщил:

—Я уже позвонила в милицию!

—Во-первых, телефон у вас не работает, отключен за неуплату. А во-вторых, я сам милиция.

С той стороны некоторое время раздумывали: может ли такое быть?

—Да вы откройте, не бойтесь. Я вам удостоверение покажу. Дверь приотворилась. Из-за нее на Комова смотрело перечеркнутое цепочкой типичное для такого жилища женское лицо постбальзаковского возраста.

—Вы его в тюрьму хотите посадить?

—Кого?

—Ивана.

—Нет, он нам нужен, чтобы кое-что выяснить.

—Может я знаю?—спросила она, оживившись от любопытства.

—К сожалению, вряд ли. Дело касается его работы. Его опытов.

—Э! Когда это было!

—Неважно. Нам всё равно нужно его повидать.

Голос у нее снова стал стервозным:

—Он тут не живет.

—Как не живет? Он же прописан.

—Не живет. Давно!

—А где живет?

Она поколебалась, потом отчего-то усмехнулась.

—В Икарии.

—Это что за место? За границей?

—Что же ты за сыщик, если не знаешь! Это ты мне должен объяснить, где это.

—Придется всё же вам объяснить мне,—сказал Комов, не давая себе воли тоже перейти на «ты» в подражание этой

плебейке.

—Да говорю: не знаю!-в ее голосе неожиданно послышались слезы.

—А как найти эту... Икарию?

—Как, как! Не знаешь, что ли! На 29 красном маршруте. Сыщик!

Захлопнула дверь и на звонки больше не откликалась.

Из ближайшего автомата Алексей позвонил Марату.

—Слушай, посмотри, где ходит 29-й красный маршрут.

—Троллейбус - между улицей Милашенкова и Савеловским вокзалом.

—Смотри-ка! Как раз рядом. А автобус?

—А автобуса и трамвая такого нет.

Комов отыскал остановку, сел на 29-й маршрут и доехал на нем до ближайшего метро. Ничего особенного. Маршрут как маршрут. Когда Комов попросил не толкаться, ему, как везде, миролюбиво ответили: «Ничего, не подохнешь». Наобум он спросил у монументальной женщины с сумками, как доехать до Икарии. Монументальная женщина презрительно пожала плечами и отвернулась. Все-таки надо найти время и выяснить, почему баба стервозная... то есть, жена гражданина Петросорокина, указала на этот троллейбус. Так решил Комов. А он, скажу я вам, относился к тем упрямым людям, которые в «Макдональдсе» способны требовать треугольный гамбургер.

6.

Комов опасался, что новая подружка объявится в чем-нибудь иностранно-зарубежном цвета крыла попугая, то есть в шмотках, которые будут достойны посещения разве что «Савоя». Как говорится, прикид обязывает. Поэтому он тревожным взором выследил Лизу в толпе еще издали. От сердца сразу отлегло. У девушки хватило ума нарядиться проще, чем она расхаживала в своем частнокоммерческом заведении. Нечасто, надо вам сказать, о современных девушках можно вот так заметить: «У нее хватило ума».

Когда Лиза подошла ближе, Ковов заметил, что рядом с ней вьется какой-то прилипчивый малец. «Ничего, как подойдет, отошью».

– Вот и я, – с бодрым смущением сказала девушка.

Малец остановился рядом и разглядывал Ковова почти нагло. Он был в длинной мешковатой кенгурушке. Короче, видон еще тот. В довершение ко всему он держал подмышкой в меру грязную доску-скейт на колесах.

– Н-ну... – начал было Алексей, обращаясь к нему, но Лиза очень быстро успела добавить:

– Познакомьтесь, это Миша.

Миша сделал довольно противное лицо, на котором легко читалось: «Миша я, ну и что дальше?»

– Вы извините, Алексей, – сказала Лиза. – Его не с кем оставить, а одного надолго не рискую. Он у меня очень... живой.

При этих словах живой Миша заметно развеселился.

«Может это ее брат?»-в смятении подумал Комов, но Миша тут же рассеял сомнения, сказав грубым голосом закоренелого двоечника:

—Ма, я пойду на скейте погоняю.

—Нет, зачем же!-спохватился Комов внезапно простывшим голосом, судорожно прикидывая, во сколько может обойтись мальчик.-Мы все идем в кафе!

—Он не хочет!-поспешно сказала Лиза.-Он больше всего любит на своей доске гонять.

—Да уж это лучше, чем сидеть и трепаться,-с превосходством знающего человека подтвердил Миша.

—А мы мороженого возьмем...

—Нет, пусть погуляет,-сказала Лиза с неожиданной твердостью.

—Чего я там не видел?-поддержал ее мальчик.-Я на площадь пойду. Классно там!

«Вот и площадь пригодилась»,-облегченно подумал Комов, для которого небольшая странность Лизы получила наконец ясное и законное объяснение.

—Не вспотей. Грязными руками за лицо не хватайся. Дай я тебе воротник поправлю...

—Ма-ам!..

Комов незаметно вздохнул, стараясь думать обо всем хорошем.

Вырвавшись из-под материнского крыла, Миша бросил

скейт на асфальт и вскочил на него, тут же подрезав дорогу старушке. Лиза издала что-то вроде испуганного кудахтанья, а Комов сделал вид, что ничего не замечает.

На вывеске «бар ПИКАДИЛЛИ ресторан» был изображен голый человек с крыльями и с луком в руке, но без стрел. У Комова сердце стукнуло невпопад: Икар?.. Да нет, тот ведь безоружным летал... Прямо преследовало его в последнее время имя этого мифического юного грека, засевшее в таинственном названии: Икария...

Возле дверей пенсионер протянул им рекламный листок:

–Приглашаем на курсы чайной церемонии!

–Надо же!-воспользовался случаем Комов.-Меня впервые приглашают на такое интеллигентное мероприятие. Очевидно, благодаря вашему присутствию, Лиза. Обычно норовят сунуть насчет магазинов подержаной одежды.

Лиза улыбнулась и слегка порозовела, как от рюмки вина в мороз.

Помня об этикете, Комов вошел в заведение первым. Внутри возле дверей он увидел полного пожилого мужчину в очках и добротном пиджаке и, подозревая, что это швейцар, развязно сказал ему:

–Здрасьте, вот и мы!

Мужчина растерянно кивнул и ушел в глубь зала. Надо же, понял Комов, не швейцар, оказывается, а солидный уважаемый посетитель.

Настоящий швейцар, он же по совместительству гарде-

робщик, скучал за стойкой в ожидании летнего дождя и в мечтах о прибыльном осенне-зимнем сезоне.

От смущения Комова спасла улыбочивая девушка в короткой черной юбочке, накрытой белым передником. Она уже была здесь с вежливым вопросом:

–Чего желаете?

–Пара мест у вас найдется?–фарисейски поинтересовался Алексей, обозревая полупустой зал. При этом он посмотрел в круглую дыру в потолке на ноги сидящих на втором этаже.

Девушка сразу предупредила:

–Наверху места только по заказу.

Ах да, туда как раз поднялся ложный швейцар.

–Ладно, сядем здесь.

Увидев посреди зала покрытую масляной краской фигуру из античного наследия – вроде Венеры, но с руками – Комов воспрял. Но тут же его насторожила музыка: почти аристократический Эрик Клэптон, а не какой-нибудь привычно-дискотечный Рики Мартин или бодрые отечественные песни типа «От счастья не убежишь». «Беда!..»

Постепенно он разглядел:

пестрый ковер и деревянные панели вдоль стен,

зеленые занавески с золотыми узорами,

высокую лампу с абажурчиком (на каждой – тот же крылатый, что и на вывеске) и – цветочек в вазочке на каждом столе.

В довершение в уши полез писк мобильных, донося-

щийся со всех сторон.

Сплошные признаки финансово-опасного места.

Что же, погибать, так со славой.

—Надеюсь, здесь не занято?—громким голосом слегка раздраженного принца спросил Комов, увидев столик возле залитого солнцем окна.

—Нет-нет, не занято, прошу вас!—почти нежно пропела ресторанная девушка.

Через три минуты, уже держа в руках меню, Алексей и Лиза поняли, что больше всего на свете мечтают пересесть куда угодно, только бы долой из этого слепящего пекла.

—Девушка! Можно мы вон туда сядем?

На сей раз Комовский голос был гораздо менее наглым.

—Минутку!—пообещала пробежавшая официантка.—Сейчас спрошу, это не мой сектор.

Чтобы разбавить тягостные секунды унижительного ожидания, Комов, скривившись от солнца и собственного остроумия, пошутил:

—Не понимаю, какое отношение имеет эта «Пикадилли» к лондонской Пикадилли? Я человек конкретный. Если, скажем, бар называется «Кактус», то у дверей должен стоять кактус, и не просто кактус, а такой, чтобы глаза колол! А тут какой-то мужик с крыльями на вывеске... Как вы считаете, Лиза?

—Давайте сразу на «ты»,—сказала девушка из-под меню, которым она накрыла голову.

—Что?

—Давайте на «ты». Вы ведь все равно этого хотите, правда? А я девушка не такая уж законопаченная. Я понятливая.

Комову стало немного не по себе от этой заявленной понятливости.

В этот момент рядом оказался приятный молодой человек. Вместо юбочки с передником его украшали черные брюки и бабочка.

—Это вы хотели за вон тот столик? Пожалуйста!

И бросился отодвигать Лизин стул.

С облегчением они оказались в тени с видом на Ленинский проспект. Предупредительный молодой человек снова принес пухлые и огромные бордовые меню. На стол он положил дощечки с изображением всё того же крылатого парня.

—Это кто такой?—тут же поинтересовался Комов.

—Не знаю... Человечек какой-то.

Какой-то, видите ли, человечек!

Лампы на высоких ножках и с маленькими абажурчиками были увенчаны такими же человечками. Нет, положительно, все хотели в этот день свести Комова с ума:

и эти крылатики,

и гвоздем засевшая в голове неведомая Икарня,

и Лиза,

и меню, которое Комовская рука уже открыла.

В глазах сразу заплескалось: «Воскресный бранч! Всего за 700 рублей любое блюдо из меню!», «Суп «Дары моря»:

перед подачей заправляется водкой и черной икрой», «Горячие блюда... 375, 560, 1190, пиво бочковое... 120, в бутылках... 100»

Комов оторвался от цифр и с тоской посмотрел за окно, где через дорогу сияла яркая и наглая вывеска бара «Космополит». Самым дорогим удовольствием там наверняка был бутерброд с соленой рыбой за 18 рэ.

Пока он мечтал, Лиза деловито пролистала меню и категорически сказала:

—Я буду кальмаров.

Комов вздрогнул и снова нырнул в огромные листы со страшными цифрами. Но увидев цену, проставленную напротив кальмаров, он почувствовал, что его симпатия к сидящей напротив девушке значительно укрепилась.

—Ну что ж, морепродукты спасают от инфаркта. Мне этот выбор тоже нравится. Но под кальмары нужно пиво.

—Правда?

—Я настаиваю.

—Милиционеры так богато живут?

Комов вздрогнул и чуть не уронил меню.

—Разве я сказал, что я милиционер?

—Не знаю,-сказала Лиза.-Мне так показалось. Во всяком случае, не журналист, верно?

—Уф!-сказал Комов.-Потрясающе. Неужели я так похож на милиционера?

—Ага. Вот только ресторан не очень милиционерский. По

мению видно.

–Милиционер по должности не имеет права плохо жить. Если живет бедно - значит, честен, следовательно – опасен.

–А ты честный мент? Несгибаемый? Как Робокон?

–У нас бы с Робокон на второй день золотые контакты свинтили, а остальное бы списали и сдали в металлолом.

Заметив, что бабочки-мелю сложили крылья, официант поспешил к ним, чтобы принять заказ.

–Пиво на ваш выбор, только не очень горькое,-сказал ему Алексей, опасаясь, что не сумеет правильно прочесть иностранные названия.

«Да, надо знать языки, а то попросишь где-нибудь за границей цыпленка-табака, а принесут сигареты...»

–Так какой ты милиционер?-вернулась Лиза к прежней теме.-С большими звездами?

–Не очень. Я точку гайку и не хочу быть начальником.

–Бедняжка! Не досталось громких дел?

Комов улыбнулся воспоминаниям.

–Одно могло быть громким.

–Правда?

–Представь себе.

–Расскажи.

–По большому счету ничего ужасного. За два года до развала Союза, прямо в «ондатровом заповеднике»... Ты знаешь, что такое «ондатровый заповедник»?

–Нет.

—Квартал в Кунцево, где жили работники ЦК. И вот, представляешь, там вдруг объявился пророк.

—Пророк? Настоящий?

—Потерпи, узнаешь. Вид этот пророк имел следующий: усы, конечно, и борода, добротное построенное габардиновое пальто и валенки, на которых было вышито: «Вперед к коммунизму!». В руке он держал посох, обклеенный фольгой от мороженого, на шее висел будильник, а вся грудь и шапка увешаны значками.

—Вот это да!-восхищенно сказала Лиза.-Действительно, настоящий пророк!

—Слушай дальше. Меня как молодого работника послали на это несерьезное дело: составить протокол и упечь, куда надо, этого явного душевнобольного. «Зачем же вы, гражданин,-спросил я его,-ведете себя так неадекватно общественному порядку?» А он отвечает: «Через два года Советская власть падет, я должен ее защитить». И рассказал мне – совершенно точно – как всё будет. Я его слова записал, принес начальству и предложил направить в ЦК. Начальство прочитало, сказала: «Страна идиотов, и сам ты – такой же!» Порвало мою записку и велело благодарить. Так я упустил возможность прославиться.

—Да...-протянула Лиза,-Я уже давно заметила, что вся жизнь состоит из упущенных возможностей.

Было интересно наблюдать, как удивительно быстро у нее меняется выражение лица: одну секунду задумчивое и без-

защитное, другую – упрямое и своевольное.

Вежливый молодой человек принес тарелки, на которых лежали кольца, нарезанные из тел бедных кальмаров, а также давленные помидоры и дольки лимона. Следом появились две кружки пива со стекающей по запотевшей стеклянной щеке слезой. Алексей ощутил легкое головокружение от этого великолепия, приобретенного на деньги Марата.

–Ну, что же,-сказал он, взглянув на часы.-Пятнадцать тридцать. Кофе пить уже поздно, а чай еще рано. Будем пить пиво и рассказывать друг другу о себе.

Они отпили из кружек и принялись за бедных кальмаров, поливая их лимонным соком.

–Ну?-спросил через некоторое время Комов.-Обо мне, можно сказать, всё известно. Теперь давай послушаем о тебе.

–Боюсь, ты не услышишь ничего особенного. Я вполне самостоятельная, обеспеченная женщина. Всё есть...

«... кроме мужа»,-подумал Комов.

–Кроме мужа,-сказала она и засмеялась.-Впрочем, давно прошли времена, когда было стыдно не иметь мужа. Теперь стыдно не иметь модных джинсов.

–А Мишка откуда?-задал Комов терзавший его вопрос.

–Оттуда. Продукт жизненного опыта. Для полного комплекта осталось только добавить собаку.

–Зачем?

–А зачем собак заводят, не знаешь? Мужчины заводят собак, потому что собаки вернее женщин, женщины – потому

что собаки вернее мужчин.

—Понятно,-сказал Комов.-Можно было сформулировать проще: разведена.

—Я гляжу, ты хороший милиционер.

—Профессионал.

—Ну, за тебя!

Они еще выпили пива, и Лиза сказала:

—Ты сам напросился, и теперь знаешь, что пригласил в ресторан брошенную жену. Только не подумай, что я хочу поплакаться тебе в жилетку, ты и не такие истории видел, правда?

—Увы,-согласился Комов.-Оскорбление, ограбление, изнасилование — из этих понятий складывается мозаика нашей жизни. Во всяком случае, для милиционера.

—Только умоляю: не надо профессиональных разговоров! Мне еще в школе надоели политика и экономика с философией.

—Зачем тогда были вуз, диплом?

—Для папы. А по жизни — мне бы вопросы попроще. У нас во дворе делали клумбу, а грязь не убрали. Почему? Вот мой главный философский вопрос.

—Да ладно!-сказал Комов.-Я же вижу, что ты не такая. Ты на себя наговариваешь.

—А какая? Ты мне напоминаешь одного доктора наук из института, где я работала, пока его не закрыли. Он говорил: это противоречит моей диссертации, поэтому быть не может.

—Кстати,-оживился Комов,-как так получилось, что институт закрыли? Такое солидное научное заведение - и паршивая частная контора его съела... Не Прыгунов же ваш опереточный, верно?

—Конечно не он. Приезжает иногда один человек, перед которым все стелются.

—И кто он?

Увы, Лиза не догадывалась о тайных планах, которые были по отношению к ней у Алексея. Ниточка, ведущая к Петросорокину, оборвалась, и теперь он прямо-таки горел желанием кое о чем расспросить девушку, пившую с ним сейчас пиво.

—Не знаю. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

«Ай-яй-яй!-подумал Комов.-Неужели так и не удастся ничего размотать? Ради чего же принесены в жертву несчастные кальмары?»

Не очень-то хорошо, скажу я вам, он знал женщин. Да и откуда было знать, когда времени не хватало даже на то, чтобы сходить в театр на новую нашумевшую постановку «Трубадура»!

Тут его осенило: почему бы не сэкономить, выстрелив по двум зайцам сразу?

—Лиза, давай сходим в театр.

—В теа-атр?-задумчиво сказала Лиза.-Может лучше в кино?

—Я имею в виду музыкальный театр. Оперу.

—Опер, который любит оперу,-развеселилась Лиза.-А я думала, что милиционеры одни только детективы читают.

—Во-первых, я не опер, я следователь...

—Для меня слишком тонкое различие.

—...а во-вторых, я детективов не люблю.

—Почему?

—Много там чуши напридумано. В жизни всё гораздо проще и пошлей.

Заметив, что тарелки опустели, официант напомнил о себе и о меню.

—Что хотите на десерт?

О десертах Комов имел смутное представление.

—А что есть?

—Есть торт, есть мороженое.

Лиза замотала головой.

—Никаких калорий!

—Тогда кофе?-не унимался официант.

Кофе Лиза тоже не хотела.

—Ну давай хоть чай возьмем,-сказал Комов.-Поможем человеку. Видишь, он тоже профессионал.

—Давай чай,-согласилась она.

—Рекомендую с бергамотом,-сказал официант.

—Несите с бергамотом. Гулять так гулять!.. Слушай, а что такое «с бергамотом»?-спросил Комов у Лизы, когда молодой человек отошел.

—Кажется, грушевый чай.

—Надо же! А ты заметила, там, в меню, еще был салат из листьев айсберга. Это что?

—Наверное, какая-то трава.

—А соус «Манчестер»?

—Не знаю.

—Черт возьми, сколько в мире неизведанного, верно?

—Ты извини, но по твоему ремню и ботинкам это было нетрудно понять.

—Что?

—Что ты не прожигатель жизни.

Кажется, Комов покраснел.

—Ты что! Я всё могу!

Неужели он оправдывался? О, позор!

—Конечно. Ты всё можешь. Осталось только воплотить это в жизнь,-сказала она с улыбкой скорее милой, чем ехидной.

Что ж, Комов, разве ты не догадывался, что психология женщины – это тебе не примитивная психология преступника?-мрачно заметил сам себе Алексей и поднял палец, привлекая внимание официанта.

—Счет, пожалуйста.

Лизина ладонь легла на его руку.

—Разреши, я оплачу хотя бы часть.

Комов замотал головой.

—Это исключено. Мы не в Америке.

—Понятно. Гордый орел хочет летать за свои деньги.

Комов сжал зубы и отсчитал бумажки.

—Не обижайся,-сказала Лиза.-Просто что-то нервы расшалились. Разные воспоминания...

—Да я и не обижаюсь,-буркнул Комов.

Совершенно не вырисовывалось, как теперь он спросит у нее то, что хотел. А спросить, как уже упоминалось, надо бы непременно. Ах, старайтесь никогда не смешивать служебное с личным!

Снаружи всё еще пылал и сверкал день. Так не хотелось портить этот пейзаж чернилами казенного протокола! Но Комов всё же решился.

—Лиза, я догадываюсь, что ты сейчас рассердишься, но мне всё-таки надо знать, кто тот главный босс, о котором ты говорила.

Она остановилась так резко, что показалось - вместе с ней на миг остановилась вся улица.

—Ах, вот как! Значит, ресторан был просто предисловием к допросу!

—Нет, Лиза, не предисловием, но мне очень надо знать...

—Жалко, я была не в курсе, что гуляем на милицейские средства, а то бы не церемонилась!

—Лиза, клянусь тебе...

—Уходи!-прошипела она.-Считаю до трех: раз, два, три! Комов остался на месте.

—Ты уйдешь или нет? Считаю снова: раз, два, три!

Ее оскорбленно поднятые плечи опустились. Она взяла его под руку и обреченным голосом сказала:

—Ладно, не обращай внимания. У каждого свой психоз. Или, выражаясь современным языком, взгляд на жизнь. Наверное, тебе действительно это очень надо?

—Действительно,-сокрушенно кивнул Комов.-Так как его зовут?

—Кажется, Смагин.

—А можно как-нибудь узнать хотя бы его телефон?

Лиза вздохнула.

—Все мужики сволочи.

—А женщины?-не сдержавшись, любопытствовал Комов.

—А все бабы - стервы. Подожди здесь.

Лиза отошла в сторону, достала мобильный телефон, набрала номер и довольно долго говорила - один раз Комов даже услышал ее переливчатый смех. Вернулась она почти пунцовая, с листком в руке.

—Держи, сыщик.

Почти дрожащими пальцами Алексей засунул драгоценную бумажку в нагрудный карман.

—Ну что, поедem к тебе?-спросила она.

У Комова перехватило дыхание. Каждая симпатичная девушка всегда казалась ему соблазнительной и недоступной, словно закатанная в асфальт монетка. А может, он просто был романтиком, и ему хотелось, чтобы так казалось. Не знаю. Он промямлил что-то насчет служебных обязанностей. Хотя, между нами говоря, он, конечно, всё давно раз-

глядел: и аккуратный задик, и ляжки, крепкие как у зебры. В конце концов, только в античной скульптуре почему-то принято считать, что у женщины между ногами ничего нет. Но на быстрое развитие событий Комов не рассчитывал. И поэтому даже испугался.

—Я тебе обязательно позвоню на-днях, как только будет время.

Она постаралась не обидеться.

—Ну тогда пойдем за Михаилом.

—А как же...-поразился Комов и почти подавился той мыслью, которая лезла на язык.—Как же он... если бы мы...

—Он может кататься на своей доске хоть весь день,—спокойно сказала Лиза.

—Но он даже не ел ничего!

—Когда он катается, он ничего не ест, не пьет и главное — не думает.

—Почему это — главное?

—Потому что, когда он думает, его мысли могут быть опасными.

—Для кого?

—Для него и для окружающих.

Издалека было видно, как Мишка бесстрашно летит на доске с гранитного цоколя памятника вождю мирового пролетариата и приземляется на неровные плиты площади.

—Клевое место!-сообщил он.— Тут как раз чуфаны собираются.

–Кто это – чуфаны?-не понял Комов.

–Это значит: дети,-поспешно объяснила Лиза.

–Понятно. Дети, которые тоже на досках с колесами.

–Да они тут еле пелёхают!-сообщил Мишка.-Я им показал класс – они коробки раскрыли и прокисли!

Втроем они дошли до метро и там расстались.

–Забегай,-пригласил Комова Мишка.

–Непременно,-сказал Комов.-Я уже твоей маме обещал.

Лиза снова вздохнула. Стало ясно, что любовь носится в воздухе, на кого-то свалится и придавит.

Через час в своем кабинете Комов уже набирал номер, добытый с такими финансовыми и морально-психологическими затратами. Телефон оказался прямым. Эх, Комов, если бы ты был женщиной, насколько легче тебе бы порой было работать!

–Игорь Матвеевич Смагин?

–Да, я.

–С вами говорит следователь Комов Алексей Петрович. Нам нужно срочно встретиться по одному неотложному вопросу.

–Обратитесь к моему адвокату.

–Значит, вы предпочитаете, чтобы я вызвал вас к себе?

–Ого! Вы и Березовского будете повесткой вызывать?

–Надо будет, и его вызову.

На том конце помолчали. Потом Смагинский голос ска-

зал:

—Ладно. Заходите утром во вторник.

Комов положил на стол чистый лист бумаги и заметными буквами написал на нем: «Следить за информацией о Смагине и его компаньонах». Подумал — и написал еще: «Обратить внимание на происшествия необычного характера».

Завтра он потребует, чтобы ему предоставляли подробные сводки о первом и втором. О Смагине и о случаях необычных. Самых невероятных. Вплоть до таких, которых, в сущности, быть не может.

7.

Лицо секретарши — почти совершенный мрамор, на котором высечена непоколебимая уверенность в том, что она занимает одно из самых важных мест в этой стране. Интересно, во сколько раз зарплата у нее больше следовательской?

—Могу я вам чем-то помочь?

Так и тянет ответить пошлой фразой: «Если можете — помогите деньгами».

—Я к Игорю Матвеевичу Смагину.

—Как вас представить?

Щекочущий жестковатый голос — бархат с железом — внешне ответил вместо Комова:

—Это Черный Пес с известием от старого Пью.

Игорь Матвеевич Смагин уже стоял в охраняемых мраморной секретаршей дверях, почему-то в плаще.

—Я - Комов, я вам звонил,-запоздало сообщил о себе Комов.

—Я догадался. И голос похож, и вы сами похожи на свой голос.

Снисходительная шутка как бы еще раз подчеркнула разницу в положении обоих. Впрочем, Комов уже привык существовать между унаследованной от комсомольско-партийного прошлого фамильярщиной собственного начальства и новорусской издевкой.

—Это хорошо или плохо, что я похож?-поинтересовался он, мрачнея.

—Да не сердитесь так, прошу вас!

Комов смотрел на Смагина, нервно помаргивая. Такие вот среднего роста крепенькие фигуры в длинных темных плащах с аккуратно стриженными головами словно включали внутри следователя волшебное кино. Загорелые мужские бюсты с золотыми ошейниками, вспышки молний из черных стволов, старательно дымящие трубы и кланяющиеся нефтяные насосы, люминесцентные отблески в мраморе банковских залов и зловещая тишина леса над характерными пятнами свежей рыхлой земли – вся банальная уголовщина, о которой нам рассказывает ежедневная хроника, словно бы сгустилась для Алексея в этом человеке.

—Вы извините,-сказал Смагин, включив улыбку и подходя к следователю.

—Ничего,-буркнул тот.

—Да я уже о другом. Дело в том, что у меня возникли срочные обстоятельства, и поэтому ужасно плохо со временем. Вы не против, если мы побеседуем не в кабинете, а по дороге к машине?

—Это смотря как разговор пойдет,-не удержавшись, сварливо сказал Комов.

—Разумеется,-согласился Игорь Матвеевич, полоснув тонкой улыбочкой.

Комов почувствовал себя совсем дураком и покорно пошел следом за размашисто шагавшим Смагиным.

—Я вас слушаю,-сказал тот, давая понять, что отсчет времени начался.-Какие-то претензии ко мне?

—Я расследую дело о пожаре с двумя трупами. Не исключено, что убийство. И некоторые следы косвенно касаются вас.

—Надо же!-искренне удивился Игорь Матвеевич Смагин, и в данном случае Комов знал, что это действительно искренняя искренность.-Что же, хорошо, что всего лишь косвенно касаются.

—Скажите, у вас не было врагов в Институте генетики, где сейчас находится одна известная вам контора?

Смагин страшно удивился.

—У меня? Среди этой публики? Да я там никого не знал. В глаза не видел.

—Кроме Прыгунова, конечно.

—Кроме него, конечно.

—А не опасаетесь, что кто-то из сотрудников института мог затаить на вас злобу?

—Не смешите меня. Откровенно говоря, они даже не знали о моем существовании. Если хотите, я туда практически не заглядывал. Я занимаюсь крупным бизнесом. По-хорошему крупным.

Они вошли в лифт.

—Вы случайно не слышали о некоем Петросорокине, Иване Алексеевиче?

—Нет.

—Он тоже работал в Институте генетики.

—Все равно не знаю. Мало ли там людей прозябало!

—А об институтских лабораториях что-нибудь слышали?

—Я от науки всегда был далек. Даже по арифметике у меня в школе был трояк.

—Между прочим, не расскажете, каким образом вы акционировали институт?

Они вышли из лифта, и Смагин остановился.

—Придется задержаться, уж очень глобальные у вас вопросы. Ну, слушайте. Сначала образовалась фирма по производству трансгенных овощей «Демидург». В виде акционерного общества. Акционерами стали банк «Монолит» и созданное на базе института производственное объединение «Интертраст». Банк выделил кредит. Для завершения подготовки и запуска производства денег у «Демидурга» не хватило, поэтому часть акций выставили на аукцион. Их приобрела фирма

«Колумб», она же предложила вернуть кредит банку в обмен под передачу под ее управление контрольного пакета. Фирма «Демидург» согласилась. Потом банк обанкротился. Вопросы будут?

—Да. Кому принадлежала фирма «Колумб»?

—Почему же вы говорите в прошедшем времени? Принадлежала и принадлежит мне.

—А банк?

—Моему брату. Разве это запрещено?

—До того, как банк был признан банкротом, «Колумб» успел вернуть ему кредит?

Светлым насмешливым взглядом посмотрел Комову в глаза

—Не знаю.

—Понятно.

—Я вижу, вы не оценили мою откровенность. А я, между прочим, сэкономил вам уйму времени, которое не надо теперь тратить на бесполезное раскапывание всей этой кучи. Советую пожалеть себя и свое время. Даже очистив апельсин, я одну дольку отсылаю в налоговое управление. Для меня Уголовный кодекс — словно Библия.

—Понимаю, покивал Комов. — Лежит на почетном месте, но никогда не открывается. Раз уж вы так безумно любезны, я хотел бы спросить: а кто был главным в «Демидурге»?

—Неужели так трудно догадаться? Директор института, теперь бывший. Господин Прыгунов.

—Он сказал, что он у вас сейчас кем-то вроде коммерческого директора...

—Да, что-то вроде этого,-сказал Смагин, не скрывая, что его мало интересует такой незначительный вопрос: кем там у него работает некий Прыгунов.-Со временем фирма «Колумб» стала владельцем производственных площадей, а «Демидур» — арендатором. А потом «Демидур» превратилась в какое-то там...-он небрежно покрутил рукой,-ответвление...

—Ясно. Значит, вышвырнули законных хозяев.

—Следите за речью. Знаете индийскую поговорку: если ты бедный и больной, то сам виноват? Всё было на законных основаниях.

—Значит, вышвырнули законных хозяев на законных основаниях. Ну и подлюги.

—А вот это уже зря. Я ведь могу официально отреагировать.

—Можете подать жалобу, а мы ее рассмотрим. На законных основаниях. Если недовольны, я готов вам дать удовлетворение. Неофициальное. На чем будем сражаться? Стреляете вы хуже меня наверняка. Поэтому я готов на кинжалах, мечях...

Смагин посмотрел на него с насмешливой ненавистью.

—На калькуляторах.

И пошел дальше.

Следователь догнал его у авто, возле которого торчала глыба телохранителя, а внутри, у руля, маячил водила - весь

оформленный, как положено, в фуражке.

–Возьмите мою карточку.

–Зачем?

–Затем, что при любом моем отношении к вам я всё же вынужден вас охранять от опасностей.

–Меня? Вы?!

–У вас своя логика, у меня своя. Следовательская.

Игорь Матвеевич страшно развеселился, но карточку взял.

Только когда авто отъехало, Комов ужаснулся: неужели его последние слова были приняты за намек, что он набивается на дружбу?

«Икария – 1) назв. утопич. страны в кн. Э.Кабе «Путешествие в Икарию»; 2) назв. коммунистич. общины в Индиане (США) в 1848-95; 3) о-в в Эгейском море, принадл. к Ю.С-порадам.» – вот всё, что удалось выяснить в «Энциклопедическом словаре». Никакой логической связи с 29-м троллейбусным маршрутом не просматривалось. Комов понял: открыть секрет можно только исследуя сам маршрут.

8.

–До Икарии доеду?

Ответом на этот вопрос, заданный жизнерадостным голосом, было недоуменное молчание.

Народу возле стеклянного аквариума остановки толпи-

лось немного. Троллейбусов и автобусов, впрочем, вообще не было видно. Комов специально выбрал полумертвый час в разгар выходного дня, когда общественный транспорт наполняют в основном граждане почтенного возраста, обладающие широким местным кругозором.

–Ну так как, до Икарии на каком номере доеду?

Ожидające немо смотрели на него, кое-кто пожал плечами. Наконец одна старушка пожалела:

–Да нету такой остановки, милоч.

–Как - нету? Мне сказали: на 29-м красном доеду.

Эти слова снова растворились во всеобщем молчании. Оказавшись в роли придурка, Комов обругал в душе собравшееся на остановке общество тухлыми аристократами. Сам он изо всех сил сохранял вид умного и уверенного в себе молодого человека.

Подкативший троллейбус нес на бортах благоухающую тропиками надпись: «Тунис - жемчужина Средиземноморья», а внутри из хозяйственных сумок пахло сырым картофелем.

Комов уселся поближе к старушкам, настроив уши. Маршрут он изучил заранее и знал, что никаких названий, даже отдаленно похожих на заветную Икарию, на нем и вокруг него нет. Единственная созвучная магистраль: Игарский проезд, находилась далеко, где-то возле Свиблова. Без сомнения: заветное название было каким-то изобретением, пущенным в обращение местными острословами – из тех,

что Театральную площадь прозвали Плешкой, а памятник Пушкину на Тверском бульваре – Пампушем на Твербуле.

Он почти болезненно вздрагивал, когда в шелесте разговоров проскакивали похожие сочетания: «всё икаю и икаю...», «...и как?», «дикари наш народ!» Поэтому он не сразу понял, что произнесенные над самым ухом слова обращены к нему:

–Ну не петрушкин ли цирк, а?

–Простите?

Сосед Комова, мужчина постонегинского возраста, снова со звоном ударил ладонью по развернутой газете.

–До чего дожили: японцы играют в теннис на международном турнире!

–Э-э...-отозвался Комов.

–Вот и я о том же!-заклучил сосед.

М-да, давно я не общался с народом, подумал Алексей.

–Надела носки собачьей шерсти – нога как дома,-сказала женщина на соседнем сиденье.

–А я хожу к мануалу,-отозвалась ее соседка.-Как он начнет мне суставы выворачивать – такой треск стоит, будто стреляют из шестизарядного пистолета.

«Почему - именно из шестизарядного?!..»-смятенно подумал Комов.

–...Я ему говорю: «Вы мне шею не сверните!», а он: «В нашем деле, как и во всяком другом, без брака не бывает...»

–Вы, кажется, спрашивали что-то про Икара?-произнес

вежливый голос у Комова над самым ухом. Сидящий сзади старичок смотрел на следователя глазами, сияющими возбужденным огнем просветительства.-Я вижу, вы человек интересующийся. А то сейчас очень в народе образованность обветшала. Плохо с культурой. Между прочим, ведь раньше в гимназиях древнегреческий учили и латынь. Закладывали базу. Основу! А теперь модно копать в мусорной куче под названием «Интернет». А что там можно найти? Конфетные фантики, газетные клочки!..

—Я спрашивал про Икарию,-напомнил Комов, на всякий случай изобразив лицом благодарного слушателя.

—...Ведь Дедал прослезился, когда отправлял мальчика в полет. Предчувствовал сердцем, что произойдет... А море, куда упал Икар, называли Икарийским... Помните, у Ван Дейка...

—Помню, помню,-быстро сказал Комов.

—...и у Брейгеля Старшего...

—И у него помню. Вы что-нибудь кроме того, что в школе проходят, можете рассказать?

—А как же! В древней Аттике с Икаром был связан праздник качелей. Юноши скакали на мехах с вином и качали девушек на качелях...

—Надо же,-бесцветным голосом сказал Комов, пытаясь сообразить, какое отношение эти истории могли бы иметь к гражданину Петросорокину И.А.-Расскажите еще что-нибудь.

–Ага! Я так и знал!-еще больше оживился старичок.-Мифы – хлеб истории. Они, знаете ли, учат по-особому воспринимать происходящее. Хотите про дельфийского оракула?

Про оракула Комов не хотел.

–Лучше что-нибудь насчет Икарии.

–Про Икария знаю.

–Ну!

–Икарий, афинянин, получил от бога виноделия Диониса секрет изготовления вина, напоил земледельцев, а те подумали, что он их отравил, и убили его. Взят богами на небо и помещен среди звезд...

–А нет ли там про каких-нибудь животных?-спросил Комов.

–Про каких именно?

–Вот таких,-показал Алексей, припоминая размеры найденной на пожаре клетки.

–Не помню... Разве вот у Элиана... Древние греки считали, что самое лучшее лекарство для больного льва – съесть обезьяну.

–Съесть обезьяну...-с тихим отчаянием повторил Комов.

–Именно!-торжественно подтвердил старикашка.-Такой вот казус.

–А вот со мной был казус,-сообщил сосед старичка, тоже, очевидно, любитель античной истории.-Иду вечером по заводу, гляжу – негр, голова вся черная. Тить-твою, откуда на заводе – негр? Подхожу ближе – а это Васька-брюнет спиной

стоит!

Нет, доложу я вам, не троллейбусы у нас, а прямо клубы психованных, в этом я с Алексеем Комовым абсолютно согласен!

9.

—Алексей Петрович, здравствуйте, с вами Матвеева Лидия из оперативной справочной говорит,-нежным голосом сказал телефон.-Это вы интересовались подробностями жизни гражданина Смагина Игоря Матвеевича?

—Интересовался и интересуюсь. Любыми ЧП, контактами, заявлениями...

—Ну так записывайте: в Кожевниках горит бензозаправка.

—Она имеет отношение к Смагину?

—Вообще-то он один из владельцев этой сети.

—Давно горит?

—Да уж два часа.

—Спасибо.

—Не за что. Вы там поосторожнее, на пожаре,-проникновенно сказал голос.-Это Матвеева Лидия. Помните меня?

«Кажется, я ее как-то видел. Светленькая такая»,-попытался припомнить Комов.

Да, скажу я вам, молодому симпатичному следователю проще работать. Уже хотя бы потому, что контакт с техническими барышнями всегда обеспечен. Был бы Алексей хрым, перхотным старикашкой, разве стал бы кто-нибудь раз-

мусоливать его заявки вместо того, чтобы лишний раз подкрасить ногти? Как же!..

Но тут перестаралась светленькая, заметил про себя Комов.

Он ведь не пожарник все-таки, а - следователь.

Правда, в голове вдруг ни с того ни с сего начало сопрягаться: пожар – обгорелая клетка... Но Комов, ясное дело, не поддался на шантаж ошалевшей примитивной дедукции.

Ну и правильно он сделал, надо вам сказать. Потому что пожар к тому времени уже почти закончился. Облизанная огнем железная коробка АЗС плавала в пожарной пене. Глава пожарных, бензиновая барышня и охранник погибшей АЗС помогали двум милицейским составлять протокол. Между тремя красными машинами бродили суровые люди в грубых робах с белыми зигзагами, покуривая и не спеша сворачивая выдохшиеся брезентовые рукава. Даже любопытных граждан к этому моменту остались считанные единицы, хотя каких-нибудь полчаса назад их тут собралось, как на бал.

Теперь на дорогах машинах подъезжали другие лица – хорошо одетые и непосредственно заинтересованные. Эта публика, совершенно не обращая внимания ни на пожарных, ни на милицию, сдержанно тусовалась возле главного свидетеля.

Взбудораженный недавней картиной буйства стихии и неожиданно выросшей собственной значимостью, свидетель в не слишком чистом синем комбинезоне уже в который раз

за этот знаменательный день рассказывал:

—Стою, значит, на третьей помпе. Заправляю «восьмушку». Вдруг из четвертой ка-ак пошел девяносто пятый сиборить! А потом будто кто-то спичку бросил – ка-ак полыхнет! Я – «восьмушку» отгонять... Твою так! Он ключи забрал. Давай с Васькой толкать...

Знакомая нам большая машина и ее владелец тоже были здесь: Игорь Матвеевич Смагин прилинкольнил, поздоровался за руку с присутствующими и выслушал, как все прочие, рассказ:

—Вдруг из четвертой ка-ак пошло сиборить!..

—А может кто-то рядом крутился? или кто-то бросил чего?-допытывались у рассказчика серьезные немногословные люди.

—Я и говорю: стою на третьей помпе...

Те, что уже наслушались этого «ка-ак!..», время от времени поглядывали по сторонам, будто ожидали еще кого-то. Скажу вам сразу, что так оно и было. Вот он и подъехал – тот, кого ждали – в авто с непроницаемыми окнами и с джипом охраны, ну прямо Иисус Христос с апостолами. Окинув взглядом расстилающееся перед ним печальное зрелище, подъехавший сказал кратко и конкретно:

—Шурик.

—А вот и не Шурик,-сообщили ему.-Этот вот трудяга видел: бензин ка-ак пошел сиборить... а потом ка-ак...

Стали звать сине-грязного трудягу, но тот, что подъехал,

отверг:

–Да что всяких козлов слушать! Без него ясно: это Шурик. Он давно нам начал траву топтать. Как бы он ненароком пчелу не проглотил!-пообещал говоривший, не обращая внимания на гордые профили милицейских, все еще похаживающих неподалеку: вороны собак не боятся.

–А если чечены?-предположил кто-то.

–С ними всё уже решили. Но – разберусь. Если не они, то Шурик, конкретно. Больше некому,-и – путая любимый жанр Христа с народной поговоркой:-М-да, забыл кто-то притчу о фраере и жадности. Надо бы напомнить... Короче, не время хоботом водить, дела могут серьезные пойти.

Заклучив этими словами свою речь, говоривший попрощался со всеми, пребывая в некоторой озабоченной задумчивости, а затем двинулся обратно к авто, сопровождаемый сворой молодых людей с неподвижными лицами. Прочие потоптались еще, общаясь то друг с другом, то со своими мобильниками, а потом тоже отправились по тачкам. Да и что там было делать теперь среди пахнущих гарью луж в этом печальном месте, откуда уже разъехались даже пожарные, а милицейских задержало только то, что они достали термос и разливали из него нечто в пластмассовые чашечки. Хочется верить, что мятный чай.

В это время Вовик, водитель Смагина, поставив на соседнее сиденье бумажный пакет, жрал из него курабье. Извините, конечно, за грубое слово, но уж больно неряшливо Вовик

это делал, крошки так и сыпались на темно-синюю обивку. Увидев, что шеф возвращается с пепелища, Вовик стал жевать в ритме песен Майкла Джексона, схватил пакет, чтобы засунуть его в просторный бардачок «Линкольна», и обмер. Оказывается, он был в авто не один. За пакетом обнаружилось маленькое существо с хвостом, нагло восседающее в позе, напомнившей Вовику его собственную, когда он, откинув линкольновскую спинку, жрет печенье. Но мало этого – гаденыш тоже жрал курабье, держа в куцей лапке упавший обломок, и на морде его... на лице... нет, конечно же, на морде, было ясно написано такое наслаждение, что Вовик озверел.

–Ах ты, гаденыш!

Тем, что оказалось в руке, а оказался там, разумеется, пакет с недоеденным печеньем, он трахнул со всей силы по сиденью. Под бумажный треск во все стороны брызнул фейерверк из курабыного крошева. Наглая же тварь исчезла.

Как раз в этот момент Вовиков шеф открыл заднюю дверь лимузина и очень сильно удивился, увидев своего водителя в съехавшей фуражке и салон, загаженный разломанным курабье.

–Это что?

–Мышь грёбаная,-объяснил Вовик, не в силах разжать зубы от нахлынувших чувств.

Смагин посмотрел на водилу с таким пристальным вниманием, что тот поспешно поправил фуражку и заерзал.

–Ты хорошо себя чувствуешь?

–За рулем не пью, вы знаете,-поспешно открестился Вовик.

–Тогда подумай сам: откуда мышь в машине? Ты хоть раз мышей в машине видел?

Глаза у Вовика стали круглыми, как у испуганного кота, но врать шефу он не привык, поэтому через силу просипел:

–Только что... видел.

Теперь Игорь Матвеевич посмотрел на него со светлым любопытством.

–Где?

–Вот тут!

Смагин закрыл заднюю дверь и открыл переднюю. Он, конечно, сразу брезгливо сморщился, как будто салон был закидан не благородным курабье, а какими-нибудь обслюнявленными окурками.

–Вот тут сидел гаденыш!-поспешно повторил Вовик.

–Как же он сюда попал?

–Не знаю. Я взял пакет, а он за ним, падла.

–Куда же он потом делся?

–Н... не заметил. Я хрясь пакетом! Думал - убил...

–Убил?

–А пес его...

Вовик снял фуражку и башкой полез под сиденье – проверить, а Смагин, не выдержав безобразного натюрморта, вытащил белоснежный платок и принялся сметать следы катастрофы с темно-синей обивки. При этом он честно старался

не попадать на сопящую круглую голову Вовика.

—Н... ничего не нашел,-сообщил тот, выныривая.

—Ладно, забудем,-сказал Смагин.-Прибери-ка тут – и поедем...

Внезапно его взгляд стал внимательным, словно у бродящего по двору петуха. Игорь Матвеевич наклонился и двумя пальцами подобрал с сиденья нечто невидимое Вовику. «Помет, что ли, нашел?»-подумал Вовик, но, будучи вышколенным водилой, промолчал.

Однако Смагин не был натуралистом, чтобы так долго и заинтересованно разглядывать мышиный помет. Он положил подобранный на ладонь, и там оказалось нечто удивительное, похожее на пилу, сделанную для небольших рук очень небольшого существа. Не будь у находки столь многозначительного пролога, можно было бы подумать, что предмет выпал из кукольного набора, которые с большим мастерством изготавливают дотошные немцы. Но Смагин знал, что никаких кукол он в «Линкольне» давно не возил. Если возил вообще.

Алексей Комов напрасно отказывал отечественному бизнесмену в дедуктивной логике. Игорь Матвеевич свернул из носового платка конверт и аккуратно стряхнул туда необычную штуковину.

Потом он захлопнул дверь лимузина, довольно долго рылся в бумажнике, пока не разыскал какую-то карточку, и, глядя в нее, набрал на мобильном телефоне номер.

—Гражданин Комов? Алексей Петрович? Это Смагин. Мне необходимо с вами встретиться. Очень срочно.

10.

На этот раз секретарша была сама любезность, сахар с медом.

—Игорь Матвеевич ждет вас.

—А! Здравствуйте, господин Пинкертон! Садитесь. Причина, по которой я позвонил вам, мне кажется, как-то связана с тем, о чем вы говорили в прошлый раз.

Смагин подвинул по направлению к Комову блюдце, на белом фаянсе которого лежало что-то вроде металлического заусенца.

Комов с любопытством наклонился к блюдцу. Ничего не понял. Осторожно взял предмет двумя пальцами. Сначала показалось — заколка для волос очень маленькой девочки или большой куклы. Но потом блеснула ниточка заточенного металла - и следователь стал смутно догадываться. Но всё еще не верил.

Смагин протянул ему лупу. Комов взглянул сквозь нее.

—Сделано немного кустарно... Что это?

—Вовик добыл, мой водитель,-усмехнулся Игорь Матвеевич.-С этой штуковиной у меня в машине разгуливало маленькое существо.

И рассказал Комову историю, случившуюся в лимузине.

Алексей похвалил себя за дедукцию-интуицию, но пожу-

рил за лень, не путившую его вчера на пожар АЗС. Отметим, что хорошо бы поддержать контакт с той, светленькой, которая сообщила ему о пожаре.

–Теперь вы понимаете, Игорь Матвеевич...

–Понимаю, понимаю,-перебил Смагин.-Не надо дидактики, Алексей Петрович. Подождите, сейчас расскажу вам еще кое-что... занятное,-с непонятной для Комова кривенькой ухмылкой добавил он.-В этот же день, то есть вчера вечером, один из моих компаньонов – тех, что приезжали к сгоревшей заправке, – упал в Язу. Не справился с управлением автомобиля. Но как, скажите, он мог с ним справиться, если выяснилось, что отказали сразу рулевое управление и тормоза, а?-со светлой и радостной улыбкой Смагин вопросительно посмотрел на Комова.-То ли машина взбесилась, то ли сошла сразу куча удивительных заводских дефектов. У «Ниссан-Инфинити», прошу заметить.

–Вы хотите спросить: верю ли я, что это был действительно несчастный случай?-догадался Комов.

–Просто хочу услышать, что вы скажете.

–Хорошо. Есть у вас здесь что-нибудь, чего вам не жалко?

–Берите, что хотите,-разрешил Смагин.

Комов бежал глазами расположенные поблизости предметы и выбрал латунную табличку с именем хозяина кабинета. Загадочная штучка, найденная в Смагинском лимузине, всё еще была в Комовских пальцах. Алексей приноровился – и невидимые зубчики с тонким повизгиванием заерзали по

металлу. Игорь Матвеевич морщился – то ли от писклявого звука, то ли от Комовского выбора – но терпел. Возможно, он догадался, что это была маленькая месть за прежнюю заносчивость. Поскребя немного, следовательно провел пальцем по латуни и ощутил зазубрину.

–Думаю, что по крайней мере одно из двух в машине у вашего приятеля могло отказать не случайно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.